

Свенцицкий Валентин Павлович

**Преподобный Серафим
протоиерей Валентин Свенцицкий**

Беседа I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII XIV XV XVI XVII
XVIII

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Приступая к беседам о преподобном Серафиме, я испытываю чувство особого волнения...

И это не потому только так, что вновь как бы переживаешь всё недавно пережитое при нашем паломничестве в Саровскую пустынь.

Да, всё пережитое останется навсегда в нашей памяти. И при имени преподобного Серафима мы всегда будем ощущать особое движение души. Нам будет вспоминаться дорога в Саров, песнопения в открытом поле, Саровский лес, в котором жил преподобный, дорога, по которой ходил он, пустынь, источник, камень, на котором он молился. Нам будет вспоминаться и вновь будет охватывать нас то чувство радости и умиления, которое было пережито нами.

Но причина не только в личных воспоминаниях, она лежит в самом отношении к преподобному Серафиму каждого православного русского человека. Из всех угодников Божиих преподобный Серафим как-то особенно близок нам. Это было всегда. А последние годы достигло необычайной силы.

Почему так близок нам преподобный Серафим?

Если хочешь узнать народ, смотри на него не тогда, когда он беснуется, а тогда, когда он молится.

Образ преподобного Серафима – это есть образ святости русского народа. Он близок нам так, потому что мы в нём чувствуем лучшее, что есть в самом русском народе. Преподобный Серафим – наш национальный русский святой.

Ни в одном угоднике Божиим так не воплощается дух нашего православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, умиленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего старца всея России.

Он близок нам потому, что он кровь от кровей наших и плоть от плоти нашей. Он – это мы сами, но поднятые из грязи, очищенные подвигом, просветлённые благодатию Божиею. Он не только близок нам – он нам родной. Так было всегда.

Но человек ценит и с особою силою чувствует то, чего ему не хватает. И святость преподобного Серафима стала особенно близка и необходима русскому народу в эпоху нравственного упадка. Ныне исполняются слова преподобного Серафима, сказанные им Мотовилову.

Оправдываясь, что до канонизирования, для себя, называет преподобного Серафима «угодником Божиим», Мотовилов говорит: «Но о канонизировании великого старца никого не просил и не прошу, ибо сам он при жизни своей из уст в уста мои сказал и в сердце запечатлелись слова его, что Господь не иначе воздвигает святых Своих, заставляя Церковь Свою канонизировать их, как только тогда, когда она в членах своих тяжело страдает каким бы то ни было нечестием».

Вот потому-то мы как бы вновь открываем мощи преподобного Серафима, как бы вновь прославляем их через 25 лет после причисления его к лику святых.

В наших беседах мы стараемся всмотреться в образ ныне вновь прославляемого нами угодника Божия. А в этой вступительной беседе хотелось бы сказать лишь о самом главном.

Основная черта духовного облика преподобного Серафима – его постоянное умиление, радостность, весёлость.

«Когда в сердце есть умиление, тогда и Бог бывает с нами». В сердце его всегда было умиление, потому и Бог всегда был с ним.

«Радость моя, что нам унывать! Погляди, какой у нас собор-то будет».

При этом, бывало, поднимет ручки да и скажет: «Во, во, матушка, чудный собор. Вельми, матушка, чудный». И сделается при этом личико его необыкновенно светлое, благодатное, и станет он такой весёлый и радостный, точно весь уйдёт в небеса. Даже жутко станет глядеть на него.

С необычайной силой и ясностью это состояние благодатной радостности нам открыто в одной из бесед преподобного Серафима с Мотовиловым. Вот в отрывках этот главный момент беседы.

«Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божьего. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро суть средства для стяжания Святого Духа Божьего». – «Каким же образом, – спросил я батюшку о. Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?»

И когда Мотовилов не мог уразуметь ответа, преподобный Серафим взял его весьма крепко за плечи и сказал: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою, что же вы не смотрите на меня». – Я отвечал: «Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!»

И далее преподобный Серафим спрашивал: «Что же чувствуете вы теперь?» – «Необыкновенно хорошо!» – «Да как же хорошо, что именно?» – Я отвечал: «Такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!» – «Что же ещё чувствуете вы?» – Я отвечал:

«Необыкновенную сладость!» – «Что же ещё вы чувствуете?» – Я сказал: «Необыкновенную радость во всём моём сердце!» – И он продолжал: «Когда Дух Божий снисходит к человеку и осияет его полнотою своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью... Что ещё вы чувствуете, ваше Боголюбие?» – Я отвечал: «Теплоту необыкновенную!» – Преподобный Серафим сказал: «Состояние, в котором мы оба с вами теперь находимся, есть то, про которое сказал Господь: «Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе», вот что значит быть в полноте Духа Святаго».

Преподобный Серафим молился перед иконою Божией Матери «Умиление». И Владычица призвала его, наименовав высоким званием: «Сей из рода Нашего». Чувством умиления и радостного восторга так обильно напоены и все пророческие слова преподобного.

«Небесная Царица, батюшка, – сказал он прот. Василию Садовскому, – Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во, радость-то нам какая, батюшка. Мать-то Божия неизъяснимою благостию покрыла убогого Серафима. «Любимиче мой, – рекла Преблагословенная Владычица Пречистая Дева. – Проси от меня чего хочещи». – Слышишь ли, батюшка, какую нам милость-то явила Царица Небесная». И угодник Божий весь так сам и просветлел, так и сиял от восторга.

«А убогий-то Серафим, Серафим-то убогий и умолил Мать-то Божию о сиротах своих, батюшка. И просил, чтобы все, все в Серафимовской пустыне спаслись бы сироточки, батюшка. И обещала Мать Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка».

Мы читаем эти слова преподобного Серафима, и нам кажется, что мы слышим самый голос его, видим его живым пред собою. В белом полотняном балахоне, в комканных рукавицах, в комканных бахилах, поверх которых надеты лапти, в поношенной камилавке, с крестом на шее, которым благословила его родная мать.

И самих нас охватывает чувство умиления и радости, что не только жил когда-то среди нас угодник Божий преподобный Серафим, но что и ныне он живёт среди нас, слышит молитвы наши, утешает нас, исцеляет и вразумляет.

Будем же с чувством благоговения и молитвенной радости внимать его словам и читать о его великих подвигах, молитвах и чудесах.

Аминь.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Не может мир относиться безразлично к святости. То злое, что есть в мире, всегда восстаёт против духовного пути, наипаче когда этот путь достигает таких высот, как в жизни святых. Не представлял исключения и преподобный Серафим Саровский. Не для того, чтобы вызвать осуждение, а для того, чтобы во всей полноте уяснить себе его подвижнический путь, мы должны в начале наших бесед о преподобном Серафиме Саровском со скорбью сказать подробно о тех тяжких условиях, в которых протекала его подвижническая жизнь. Это важно и для нашего назидания. Нам надлежит коснуться тех монастырских условий, в которых протекала жизнь преподобного Серафима, ибо, уйдя от мира, уйдя в монастырь, в пустыню, всё-таки не убежал он дыхания мирского, проникающего и за монастырские стены. Как говорит описатель жизни преподобного Серафима архимандрит Чичагов, ныне митрополит Серафим, «было бы несправедливо и исторически неверно, если бы мы промолчали о гонениях, которые претерпел о. Серафим».

Законы земли не могли измениться там, где жил такой великий и святой старец. Наоборот, враг человечества всегда возбуждает вражду окружающих против праведников с наибольшей силою.

Чем же соблазнялись окружающие, видя подвиги преподобного Серафима? Что соблазняло их в его личности?

Многое. Начиная с его одежды. Одежда преподобного Серафима описывается так: «В продолжение всего подвижничества о. Серафим постоянно носил одну и ту же убогую одежду: белый балахон, комканые рукавицы, комканые бахилы вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенную камилавку».

Вот вам и соблазн осуждения. Мы поклоняемся ему как преподобному, а там, небось, говорили: почему не как все, зачем этот балахон, зачем эти бахилы, почему не одевается так, как отец Иван или отец Петр?

Некто вошёл в церковь, дабы увидеть преподобного Серафима, а обедня ещё не начиналась. И вот, говорит он: «Увидел я его, до ранней ещё обедни придя в церковь: Серафим сидел на правом клиросе на полу. И братии казалось каким-то странным чудачеством: почему не как все, почему уселся на полу?»

И так до всего было дело этому мирскому духу.

Когда преподобный Серафим удалился в пустыню, стали смущаться монахи мыслию: почему это он не ходит из своей пустыни причащаться в монастырь, хотя, как говорит описатель жизни, ни на минуту никто не сомневался, что он без вкушения Тела и Крови не оставался, т. к. кто-то, но тайно от других, приходил со Святыми запасными Дарами и причащал преподобного. Но вот почему не так, как все, молится, почему не так, как все подвизается, почему не ходит в монастырь причащаться из своей пустыни и затвора?

Собрали монастырский собор и постановили: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения или же, если ноги не служат, то навсегда бы перешёл жить в монастырь из пустыни. Когда первый раз принёсший ему пищу послушник передал это постановление, Серафим ничего не сказал. Тогда было приказано вторично передать его преподобному Серафиму. И тогда преподобный Серафим молча последовал за послушником, исполнив смиренно требование братии. Но он пришёл в монастырь после 15-ти лет пребывания в пустыни для того, чтобы уйти в затвор. Ему продолжали приносить причастие в келью. Преподобный Серафим жаждал уединения в лесу и потому испросил разрешения у игумена, чтобы ему было позволено из затвора, по мере надобности, уходить в ближнюю пустынь. И опять начался ропот среди братии: в церковь не ходит причащаться, а в пустынь за две версты ходит. Дошло дело до епископа Тамбовского. Епископ прислал указ, чтобы преподобный Серафим ходил в церковь для причащения Святых Тайн.

Ему говорили: «Ты всех учишь». Преподобный Серафим смиренно на это отвечал: «Я следую учению Церкви, которая повелевает – не скрывай словес Божиих, но возвещай Его чудеса».

Другой осуждал, зачем он всех, кто к нему приходит, помазывает маслом из своей лампы, третий говорил: «Зачем ты в такое рубище одеваешься?» И ему ответил преподобный Серафим: «Иосаф-царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию считал выше и дороже царской багряницы».

Но всё это было ничто по сравнению с теми нападениями, которые пришлось пережить преподобному Серафиму из-за дивеевских сестёр. Описатель жизни говорит: «Вражда не оставляет человека в покое до самого гроба, поэтому преподобный Серафим во многих возбуждал злобу и зависть». Слова осуждения сказал ему на этот раз игумен Нифонт. Преподобный смиренно поклонился в ноги, но строго сказал игумену, что

не подобает ему делать такие замечания. Произвели обыск. «Раз пришло нас семь сестёр, – говорит сестрица Ксения Кузьминична, – к батюшке, работали у него целый день, устали и остались ночевать в пустыни. Часу эдак в десятом увидела наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя фонарями прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исаия, и поскорее навстречу, отперли мы дверь. Вошли они, не бранили ничего, оглядели нас, зорко и молча чего-то искали и приказали нам тут же одеться и немедленно идти прочь».

Преподобный Серафим относился к этим нападкам, как и должен был относиться: с великим смирением, с великим терпением, но умел, когда это находил нужным, и дать надлежащее назидание. Не только так, как это сделал с Нифонтом, которому прямо сказал, что не надлежит ему делать таких замечаний, была и другая форма этих назиданий. Она столь характерна для преподобного Серафима, что я позволю себе сделать большую выдержку, рассказав всё это происшествие словами самой монахини Евпраксии, которая была действующим здесь лицом.

«То всем уже известно, – говорит монахиня Евпраксия, – как не любили саровцы за нас батюшку, даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много, много делая ему огорчений и скорби. А он, родной наш, всё переносил благодушно, даже смеялся и часто сам, зная это, шутил над нами».

И далее передаёт одну из таких шуток преподобного Серафима:

«Пришла я однажды, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам её с гробика-то поднял и говорит: «Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся». – Что это, думаю, батюшка-то, всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора, задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь святыми воротами посылает. А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот были. Саровские игумен и казначей с братией больно скорбели на батюшку, что всё даёт-де нам, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня за шиворот и арестовали. «Иди, – говорят, – к игумену». Я и молю-то их и дрожу вся, не тут-то было. «Иди», – говорят, да и только. Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом, он был строгий. Батюшку не любил, а нас ещё пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю

всё, а там – старые лапти, корочки сломанные, трубки да камни разные, и все-то крепко так упихано. «Ах, Серафим, Серафим, – воскликнул Нифонт, – глядите-ко, вот ведь какой, сам-то мучается да и дивеевских мучает» – и отпустил меня. Так вот и другой раз пришла к батюшке, а он мне сумку даёт: ступай, говорит, прямо к святым воротам. Пошла, остановили же меня и опять взяли да повели к игумену. Развязала суму, а в ней песок да камни. Игумен ахал, ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказываю я батюшке, а он и говорит мне: «Ну, матушка, теперь в последний раз, ходи и не бойся. Уже больше трогать вас не будут». И воистину, бывало идёшь, и в святых воротах только спросят: «Чего несёшь?» – «Не знаю кормилец, – ответишь им, – батюшка послал». Тут же пропустят».

Когда преподобный Серафим жил в пустыни, это вызывало не только смущение мирское в смысле злых нападений на него, было и другое.

«Отче, – спросил инок, – говорят некоторые, что уединение от общежителства в пустыню есть фарисейство, что этим оказывается пренебрежение к братии или еще бросается на неё осуждение».

Преподобный Серафим ответил: «Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества – это не из ненависти к нему, а больше для того, что мы поняли, что носим на себе чин ангельский, которому не место быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог.

И вот, с одной стороны, монастырь – с просачивающейся туда суетой мирской и с этими суетными вопросами: зачем делаешь то и зачем делаешь это, зачем мажешь маслом, зачем носишь бахилы, зачем принимаешь сестёр? А с другой стороны – Саровский лес, который и до сих пор ограждает от здешнего бесовского мира, великая пустыня, молчание, уединение и молитва.

Что оставил за собою преподобный Серафим, уйдя в Саровскую пустынь?

Он оставил хорошую благочестивую семью, оставил детские воспоминания, в которых такое особое место должно было занимать явление ему Божией Матери, исцелившей его болящего. Он оставил там и мать свою любимую и благочестивую. На всю-то жизнь запечатлелось у него, как она благословляла его тем медным крестом, который потом он всю свою жизнь носил поверх своего белого балахона.

Оставил он и путешествие своё в Киев, всё там виденное и слышанное, что дало ему окончательный толчок и определило его жизненный путь. В сердце его запечатлелись так укреплявшие его слова старца, которые и мы да запечатлеем в своём сердце:

«Гряди, чадо Божие, и пребуде тамо. Место сие тебе будет во спасение с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!* В этом да будет всё твое внимание и обучение. Ходя, и сидя, и делая, в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах и в сердце твоём. С ним найдёшь покой, приобретёшь чистоту духовную и телесную и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святые, во всяком благочестии и чистоте».

Как исполнил завет сей преподобный Серафим, об этом свидетельствует вся его подвижническая святая жизнь.

Аминь.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В первой беседе нашей о преподобном Серафиме Саровском мы говорили, что особенно близким, особенно родным стал сей угодник Божий именно за последние годы, как будто бы снова душа русского народа открывает преподобного Серафима. Далее, во второй беседе нашей, мы говорили о тех трудностях, которые на пути своём встретил преподобный Серафим в условиях монастырской жизни, куда и за монастырские стены как бы просачивался тлетворный мирской дух.

Всё время он, как живой, стоит перед нами, согбенный старец с топориком, с сумой за спиной, в своих бахилах, в своём белом балахоне, с медным крестом на груди. Но преподобный Серафим не всегда был старцем. Он пришёл в Саровскую пустынь юношей, послушником Прохором двадцати лет.

Вот описание его внешности: высокий ростом, несмотря на подвиги, полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные, густые брови и светло-русые волосы.

Мы видим его смиренно совершающим подвижнический, послушнический путь – сначала в келии устроителя монастыря, а потом последовательно в хлебне, в просфорне, в столярной. Впоследствии он несёт послушание будильщика.

В этих совершенно житейских, хозяйственных условиях монастырской жизни он ведёт себя так, как надлежало будущему подвижнику: с великим терпением, с великим смирением и с великим послушанием.

Современные послушники, которые удалялись в пустыню из ревности к исполнению обетов монашеских, – с какою скорбью они говорят о трудности духовной жизни при исполнении хозяйственных монастырских послушаний! Я помню, как один из таких пустынножителей говорил:

«Как только в монастырях заметят особую ревность в послушнике, то, точно назло, его посылают куда-нибудь в самое суетное место хозяйственных монастырских дел».

Да, труден путь послушания, но из жизни преподобного Серафима мы видим, что истинный подвижнический дух в послушнике всегда приведёт к желанной цели. В этой первой главе жития преподобного Серафима мы видим, как закладывался фундамент его духовной жизни. Раньше других

он приходил в храм, он стоял в храме с великим вниманием, очи опускал долу, чтобы не развлекаться внешними впечатлениями, последним уходил из храма, как бы всё время стараясь ещё задержаться, ещё побыть там. Он не бежал поскорее из храма на том или другом формальном основании. Нет, ему хотелось побыть здесь подольше. Преподобный Серафим нёс с полным смирением все возлагаемые на него послушания. В то же время он испросил разрешение, чтобы в часы свободные уходить в лес для уединённой молитвы. В лесу он сделал себе некую кущу и пребывал там в эти уединённые часы в полном одиночестве. Он постоянно читал творения святых отцов, пел псалмы, читал Слово Божие.

Преподобный Серафим всегда был в труде. Вы помните, как сказал игумен Нифонт: «Ох, Серафим, Серафим, ты себя мучаешь и другим тоже покоя не даёшь».

Преподобный Серафим не давал себе покоя: однажды он был застигнут носящим тяжёлые камни, которые он перекладывал с места на место. В сумке своей он носил камни и песок. В послушнические годы он всячески стремился к труднейшим физическим работам. Он ходил на порубку леса, работал не покладая рук, всячески умерщвляя плоть свою этими подвижническими трудами. Здесь же определилось стремление его к пустынножительству. С благословения старца Иосифа он всё чаще оставлял монастырь, уходил в лес для уединённой молитвы. В это время молитвенным его правилом было правило, «еже даде Ангел Господень Великому Пахомию».

Правило Великого Пахомия – это «Трисвятое», «Отче наш», «Господи помилуй» 12 раз, «Слава, и ныне», «Приидите поклонимся», псалом 50-й – «Помилуй мя, Боже», «Верую», 100 раз молитва Иисусова, «Достойно есть» и отпуст.

Это правило очень короткое, но, по Пахомию Великому, его надо творить каждый час, то есть 24 раза в сутки и днём и ночью.

В это время преподобный Серафим делается и постником, и во дни своего постничества он уже не вкушает ничего в среду и в пятницу и в посты вкушает один раз, также вкушает один раз и в те дни, когда нет поста. Спит он в это время три часа ночью и потом несколько днём. Таково было начало подвижнического пути преподобного Серафима. Но в этом пути было то, что сподобило его благодатного явления к нему Божией Матери, исцелившей его от тяжкого недуга. Он захварывает, появляется на больном теле его опухоль, его готовили к смерти. Но преподобный Серафим обращается с просьбой, чтобы его не лечили, чтобы отслужена была всенощная и Литургия с вознесением молитвы ко Господу

о его выздоровлении и чтобы ему дали причаститься Святых Тайн.

«Я предал себя, Отче Святый, истинному врачу души и тела – Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством».

И вот старец Иосиф отслужил о здравии его всенощное бдение, Литургию, и выздоровел преподобный Серафим.

Впоследствии он рассказывал об этом своём выздоровлении Ксении Васильевне, монахине Капитолине, следующее:

«После причащения Святых Тайн явилась Пречистая Дева Мария в несказанном свете с Иоанном Богословом и Петром и, оборотясь лицом к Иоанну Богослову и указывая на Прохора, сказала: «Этот Нашего рода». Правую-то ручку, радость моя, положила мне на лоб, в левой-то ручке держала жезл и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима».

В 1786 г. Прохор был пострижен в иноки, а в 1787 г. в иеродиаконь. На этом пути послушничества были свои искушения у преподобного Серафима. Какое же искушение первое встречает на пути своём инок? Это есть искушение уныния, скуки, является мысль, что зря тратит свои молодые годы, что жизнь идёт, наслаждения уходят. Вспоминается оставленное довольство, вспоминаются прелести мира привязанности, дом отчий, и мать, и родные, и впадает инок в уныние, в тоску.

«С духом печали неразлучно действует и скука. Она, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нём такое страшное беспокойство, что несносны становятся и место жительства, и живущие с ним братия, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба».

И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несётся по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром. Сам демон если не может извлечь монаха из келии, то начинает развлекать его ум во время молитвы и чтения:

«Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок, и это всегда делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

В сих иноках мы и себя узнаем, живущие в миру. Так же как инока, по словам преподобного Серафима, гонит этот демон скуки и уныния к тому, чтобы заполнить свою пустоту души пустословием, не он ли гонит в кинематографы, на гулянья, в гости?

На духу спросила меня одна девушка, как ей быть, она всё время

ходит вечером и гуляет по Сретенке, а когда возвращается, то мать её ругает. И спросил я её: «А разве вам не противно ходить по Сретенке?» И удивилась она сему вопросу. А через некоторое время спрашивает меня: «Помните, как вы спросили меня, не противно ли мне ходить по Сретенке?» – «Помню», – говорю. – «Так мне противно теперь».

Вот то состояние, которое все знают, не будучи ни подвижником, ни монахом. Но в монашестве нападение врага особенно сильно, особенно страшно.

Чем же защищаться от злых нападений? «Болезнь сия, – говорит преподобный Серафим, – врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия и праздности, и празднословия», ибо, по его словам, также сказанным впоследствии, «уединение, молитва, пост и послушание – суть четырёхсоставная колесница, возносящая дух на небо». Вот почему, по словам матушки Капитолины, батюшка велел больше всего бояться, бегать как от огня и храниться от главнейшего – уныния.

«Нет хуже греха, матушка, и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния», – говорил батюшка Серафим. Поэтому и приказывал всегда быть не только сытой и кушать вволю, но и на труды брать с собою хлеба: «В кармашек-то свой и положи кусочек, – говорил он, – устанешь, умаешься – не унывай, а хлебца-то и покушай, да опять за труды».

Даже на ночь под подушку приказывал он класть хлеб: «Найдёт на тебя уныние да раздумье, матушка, – говорил о. Серафим, – а вы хлебушка-то выньте да и покушайте, уныние-то и пройдёт, хлебушек-то и погонит его и сон после труда вам хороший даст он, матушка».

На этих первых ступенях своего духовного подвига преподобный Серафим сподобился также благодатных даров, которые открываются лишь на самых последних ступенях духовного совершенства. В первые годы иеродиаконства он сподобился видеть при богослужении Ангелов, блиставших, как снег, молниеносных видом: «Вид их был молниеносен, одежда белая, как снег, или златотканая, пение их передать невозможно».

А состояние духа преподобного Серафима было таково в это время, по его словам: «Сердце моё яко воск, тая от неизреченной радости, и не могу сказать, в теле или кроме тела был я, но только помнить не могу, как входил в святую церковь да выходил из неё».

И вот что случилось, какого великого он удостоился видения. В Великий Четверг служил он Литургию и после малого возгласа: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны...» – он, обратясь к народу, повёл на

предстоящих орарем, возглашая: «...во веки веков», как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Два иеродиакона ввели его в алтарь. Простоял он три часа. После он рассказывал об этом так:

«Только что провозгласил я, убогий: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» – и, наведя орарем на народ, dokonчил: «...и во веки веков» – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого, в славе, неизреченным светом сияющего, окружённого Небесными Силами: Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных царских врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде, Господь благословил служащих и предстоящих, посеет, вступив во Святой местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь.. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился от Него особенного благословения, сердце моё возрадовалось чисто, просвещённо, в сладости любви ко Господу».

Преподобный Серафим о духовном пути сказал однажды настоятелю монастыря Нифонту: «Смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце: учись умной сердечной молитве, как учат святые отцы в «Добротолубии», ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу. К обыкновенной Иисусовой молитве добавляй: «Богородице, помилуй мя». Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а чёрные головешки».

Преподобный Серафим научает нас и на этих первых пройденных ступенях послушничества, как нужно начинать духовную жизнь. «Надо уйти от мира». Это завещание, которое оставил он нам. Может быть, сейчас и места найти нельзя, где бы можно было предаваться уединению. Но всё же этот призыв к уединению и к внутреннему уходу от мира стоит перед нами во всей своей силе.

Эти первые годы научают нас тому, что этого достигнуть нельзя единым актом воли, что здесь требуется подвиг всей жизни, здесь требуется смирение, здесь требуется тот послушнический путь, которым шёл и преподобный Серафим. Для нас, может быть, ни для кого не лежит путь в монастырь, но все, кто хочет спастись, жить с Господом, служить Ему, кто хочет жить духовной жизнью, – для всех дорога одна. Это дорога от мира в пустыню, в духовный внутренний затвор.

Аминь.

БЕСЕДА ЧЕТВЁРТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Всё по-иному освещает и определяет учение Спасителя по сравнению с так называемой мирской моралью, мирским законом, мирской мудростью. И способ борьбы за истину, указанный Спасителем, совершенно иной. В миру ведётся борьба внешними оружиями, внешними путями. Спаситель указывает пути иные: внутренне сопротивление, преодоление зла силою любви, силою духа, молитвою, добродетелями и никак не этими внешними, лишь разжигающими большую злобу, большее зло оружиями мирскими. Преподобный Серафим дал нам образец этого Господом указанного пути для борьбы со злом.

Мы видели, с какими внешними препятствиями и нападениями встречался преподобный Серафим на пути своей великой подвижнической жизни. И хотя с наибольшею силою и злобою все эти мирские препятствия, отравляющие монастырскую жизнь, предстояли в конце его великого служения (он усматривал в этом даже признаки своей близкой кончины), но и на первых ступенях подвижнической жизни всё это мирское и суетное, хотя и по-иному, но с не меньшей силой старалось помешать его подвигам.

Преподобный Серафим боролся, но не внешними, мирскими оружиями. Разве на клевету он отвечал «свидетельскими показаниями»? Разве на злобное посягательство на его заботы о дивеевских сестрах он отвечал обращением «к суду»? И разве, когда речь шла о неправильном якобы помазании из лампы, он отвечал «спором».

Всё это он опровергал не внешней борьбой, а усилием своих подвижнических трудов. Посему эта борьба была для врага неравная, ибо на злословие о помазании из лампад он отвечал тем, что это помазание исцеляло больных, на клевету о дивеевских сёстрах он отвечал тем, что сделался старцем всей России. Этот путь подвижнической борьбы запечатлён для нас примером преподобного Серафима.

Но бывает такое положение, когда человек должен уйти от зла, и преподобный Серафим дал нам образ такого ухода в пустынь.

Необходимо великое терпение, и великое послушание, и великая любовь, и в то же время указывается как правильный путь и возможность ухода от зла – уходения, совершённого преподобным Серафимом в дальнюю пустынь, отстоящую не так далеко от монастыря, всего в шести верстах, но тем не менее дававшую ему возможность в смысле внутренней

жизни совершенно отделиться от всего того, что препятствовало его духовной жизни.

Предшествовали такому решению смерть настоятеля Пахомия и тяжёлая болезнь самого преподобного Серафима.

От постоянной молитвы у преподобного Серафима стали болеть ноги. Болезнь мешала ему священнодействовать. Всё это, говоря по-человечески, несчастье явилось толчком для скорейшего осуществления внутреннего решения.

Так часто скорби и немощи по милости Божией, по Его святому Промыслу, делаются источником великих духовных для нас благ.

Пустынничество на пути внутреннего духовного развития преподобного Серафима явилось необходимым условием дальнейшего совершенствования, но внешним толчком, одной из существеннейших внешних причин была невозможность по болезни ног совершать церковное священнодействие.

Здесь, в пустыни, преподобный Серафим сразу попал именно в те возделенные условия, к которым стремилась его душа: он попал в тёмный лес, за зелёную стену, ограждавшую его от монастыря, он как бы вновь ушёл ещё раз от мира, от которого бежал, уходя в монастырь, и с которым всё же вновь встретился в монастыре.

В этих местах уже жили тогда некоторые подвижники: Назарий, иеродиакон Дорофей, схимонах Марк. Тут была река Саровка, тут были холмы, заросшие густым лесом. Преподобный Серафим наименовал их названиями, взятыми из Слова Божия. Вот Афон-гора, вот Иерусалим, вот Вифания, здесь Иордан, и всё это напоминает преподобному Серафиму те места, где или спасались подвижники, или жил Сам наш Господь Иисус Христос.

Такова была атмосфера, таков дух этой новой жизни.

Можно ли сравнить с шумным монастырём? Здесь Божественная красота природы, которую он зрит своими очами, здесь святое уединение, которое не развлекает, а даёт силы сосредоточения на внутренней жизни, здесь всё напоминает ему святые места, где жил Господь.

Но и в пустынь начинают приходить люди. Это не могло не смущать его, особенно когда начали приходить женщины. В то время, когда преподобный Серафим подвизался в пустыни, он был ещё очень молод и опасность соблазна плотского для него, девственника, зачалась в том, что внутреннее пламя, которое он возжёт перед Господом, могло потухнуть от воспламенения сих страстей. И для того, чтобы обезопасить себя от этого, он возымел намерение, чтобы был воспрещён вход к нему на гору

женщинам.

Прежде чем решиться обратиться с такой просьбой о запрещении к настоятелю монастыря, он обратился к Господу, чтобы Господь дал ему знамение – угодно ли Господу его желание.

С дерзновенным ходатайством о знамении обратился он к Господу.

И вот на Рождество возвращался из монастыря после богослужения преподобный Серафим к себе в пустынь, а на следующий день вновь пошёл в монастырь. И когда он вышел, он увидел, что ветви деревьев преклонились и завалили дорогу к нему на гору. Сие знамение дало ему твёрдость обратиться к настоятелю монастыря. Преподобный Серафим за Литургией обратился к Исаяи.

«Батюшка, – сказал преподобный Серафим, – отец настоятель, благослови, чтобы на мою гору, на которой живу, не было входа женщинам».

А настоятель должен был читать молитву предложения по перенесении Святых Даров на Престол и ответил на это с неким раздражением:

«В какое время и с каким вопросом подошёл ты, отец Серафим!»

«Теперь-то и благослови, батюшка», – просил преподобный Серафим.

«Как же я могу, – сказал настоятель, – за пять верст смотреть, чтобы жёнам не было входа на твою гору?»

«Вы только благословите, батюшка, – сказал преподобный Серафим, – и никто уже из них не войдёт на мою гору».

Нечего делать, говорится в жизнеописании преподобного, подали образ Пресвятой Богородицы «Блаженное чрево», и старец о. Исаия, благословляя о. Серафима, сказал: «Благословляю, чтобы не было женам входа на твою гору, а ты сам охраняй».

Так было дано благословение преподобному Серафиму, дабы не входили на гору женщины. И вот началась там, в пустыни, подвижническая жизнь: молитва, песнопения, великие внутренние борения, великие духовные труды.

Мир считает эту жизнь эгоистичной, называет её самоспасением, говорит, что здесь нет любви к людям, желания принести им пользу.

Какое ужасающее непонимание!

Подвижник душу свою посвящает Господу, отдаёт Ему её. Ты, Господи, Сам распорядись душою, а я буду трудиться, чтобы отдать её достойной Господа. Таковую душу ведёт Господь, Сам, когда это нужно, выводит на путь служения людям.

Преподобный Серафим не был юродивым, хотя и имел некоторые

черты внешнего сходства с юродствующими.

Путь юродства – один из труднейших, и преподобный Серафим предостерегал от самочинного вступления на него. Когда приходили к преподобному просить благословения юродствовать, он не только не давал благословения, но с негодованием говорил:

«Кто берёт путь юродства на себя без особого звания Божия, все в прелесть впадают: из юродивых едва ли один отыщется, чтобы не в прелесть находился, и погибали или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли. При мне только один обнаружил юродство, запел в церкви кошачьим голосом, старец же Пахомий в ту же минуту приказал юродивого вывести из церкви и проводить за монастырские ворота. Три пути, на которые не должны выходить без особого звания: путь затворничества, путь юродства и путь настоятельства».

Вот как относился преподобный Серафим к желающим юродствовать. Нам надо это особенно запомнить, дабы всегда относиться с особой осторожностью ко многим легкомысленным и самочинно дерзающим изображать из себя «юродивых» в наше время. Первый вопрос, который для проверки должен быть предложен юродивому, заключается в том, с благословения ли духовника он вступил на этот путь. И если самочинно, тогда все вышеприведённые слова преподобного Серафима непременно относятся к нему. В пустыни, кроме молитвенного подвига, начинается и другой подвиг – строжайший пост.

Преподобный Серафим был великий молитвенник и столь же великий постник

Он вкушал сначала один хлеб, потом одни овощи, а в некоторые дни не вкушал пищи совсем

Перед смертью вот что он открыл одной рабе Божией:

«- Ты знаешь снитку. Я рвал её да в горшочек клал, немного вольёшь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье.

Я спросила его о снитке, что это значит. За притчу ли это принять или это действительное. Он отвечал:

– Экая ты, экая. Разве не знаешь травы снитки? Я это тебе говорю о себе самом.

Я спросила его, как зиму он её кушал и где брал. Он отвечал:

– Экая ты какая, на зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался. А я снитку ел. И о сем я братии не открывал, а тебе сказал.

Я спросила, а долгое ли время он кушал её. Он дал мне точный ответ и

на это, но я забыла, без скольких дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более двух с половиной лет неотступно питался одной сниткой».

Преподобный Серафим считал, что учить других легко – также легко, как бросать с соборной колокольни саровской камни, а самому исполнить то, чему учим, также трудно, как эти камни поднимать на колокольню.

Но преподобный Серафим имел право учить: его труды, его пощение давали ему это право. Вот что говорил он после: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного, прогневаем Господа и не храним постов. Ныне христиане разрешают на мясо и во Святую Четыредесятницу, и во всякий пост. Среды и пятницы не сохраняют, а Церковь имеет правило: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует».

Некто спросил преподобного Серафима: «Можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное?»

Преподобный отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны».

Преподобный Серафим в пустыни имел особые искушения, отличные от тех искушений, которые были, когда он проходил путь послушнический. Там были уныние, тоска, скука, а здесь то, что называется на языке святоотеческом «страхованием».

Это чувство во время молитвы иногда вызывается явным нападением бесов, криками и рычанием диких зверей, подобием врывающейся толпы и всевозможными иными устрашениями. Преподобный Серафим силою молитвы и благодати Божией всё сие преодолел и стяжал особую силу видеть бесов.

Так, один мирянин в простоте сердца спросил: «Батюшка, видели ли вы злых духов?»

И отвечал преподобный Серафим с улыбкой на эту простоту: «Они гнусны; как на свет Ангелов взглянуть грешным невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Ко времени, когда уже преодолевает преподобный Серафим искушения «страха», начинается его величайший подвиг в пустыни: молитва на камне. Тысячу дней и ночей молился преподобный Серафим, стоя на камне с воздетыми руками, и творил молитву: «Боже, милостив буди мне грешному».

Не дерзаем, не дерзаем представить себе то состояние духа подвижника, каковое было в этих его великих трудах, но умиляемся и

благоговеем. Некто удивился, как он мог поднять этот труд, и сказал: «Не мог бы ты это сделать без помощи Божией». Преподобный Серафим смиренно ответил: «Без помощи Божией сие было бы невозможно». Ничего не мог сделать враг изнутри. Тогда начинается нападение извне. Три грабителя приступили к нему в лесу, требуя денег. «Мирские люди ходят к тебе, – говорили они, – значит, у тебя деньги есть». Преподобный Серафим был силён, мог бы защищаться так, как защищаются в миру, но он решил всё претерпеть во имя Господа и принял страшные побои и истязания. С проломленной головой, истоптанный ногами, едва добрёл из пустыни в монастырь. Его окружили заботами, вниманием, начали лечить, но дух его обращался к единственному Врачу, Которому он всегда служил и в монастыре, и в пустыни. И сей Врач исцелил его: вновь видит он явившуюся ему Божию Матерь во сне, и говорит Она, обращаясь к этим всем хлопочущим около преподобного Серафима людям: «Что вы трудитесь?» И вновь подтверждает: «Сей от Нашего рода».

После видения преподобный Серафим начал выздоравливать.

Осталась у него после тяжких побоев только ещё большая согбенность, ещё больше тело его склонилось долу. Но это испытание ещё больше подняло дух его горе. В это время впервые открывается в преподобном Серафиме благодатный дух прозорливости.

Когда мы читаем о подвигах подобного Серафима, мы испытываем чувство великой радости, отрады. Жаль отрываться от страниц его жития. Жаль, что чтение подвигается к концу. Хочется подольше побыть в лесу Саровском.

Ведь мы все так устали от вражды, от забот, от мирской суеты. Измученному и усталому человеку хочется припасть и напиться освежающей влаги. Вот именно благодатная освежающая влага для души нашей и есть труды и подвиги преподобного Серафима.

Аминь.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Кому из вас в минуты усталости или душевных огорчений не грезилась лес, и тишина, и уединение, где мы могли бы отдохнуть душой. Но эти грёзы о тишине и отдыхе не имеют ничего общего с тем стремлением к лесу, уединению и тишине, которое живёт в душе подвижника.

Если измученного мирского человека, мечтающего об уединении, оставить с самим собою не на один месяц и не на один год, а на 15 лет, какой ужас создаётся у него в душе.

Уединение, безмолвие, молчание и затвор – это есть величайший подвиг, и нельзя смотреть на него, как на уединённое отдохновение. Оставшийся с собою человек, если его внутренняя жизнь не заполняется горним, будет охвачен тоской, унынием, пред ним раскроется лишь вся пустота его души, и это сделает ему невыносимым пребывание наедине с самим собою. Не от этой ли тоски, не от этой ли скуки и пустоты душевной так стремятся люди к мирской сутолоке, которая, с одной стороны, доводит их до изнеможения, а с другой – является для них при их внутренней пустоте совершенно необходимой,

Преподобный Серафим был избранник Божий, он был подвижник от самых своих юных лет. Его путь лежал через молчание и затвор. Если каждый человек, оглядываясь на прошлое, видит, что ведёт его Господь ко спасению, то наипаче явственно это видится на судьбах вот таких избранников Божиих, каким был преподобный Серафим. Путешествие в Киев, беседа со старцем, подвиг паломничества – всё это некий путь к тому высшему подвигу затворничества, к которому он смиренно приготавливался в своих первоначальных трудах как послушник, как иеродиакон, как иеромонах.

Мы видели уже, что преподобный Серафим удалился в пустынь, отстоящую недалеко от Сарова. Мы знаем, с каким терпением, с каким великим терпением нёс все послушания монастырские преподобный Серафим. Мы со скорбью видели и те следы мирской жизни, которые, проникая и в монастырь, делали этот путь послушания и жития в монастыре Саровском скорбным для преподобного Серафима, и как он наконец удалился в эту пустынь. Но это было лишь преддверием к подвигу молчальничества. Мы знаем, что был внешний толчок, побудивший преподобного Серафима уйти в пустынь.

Пусть он внутренне созрел для этого постепенно, переходя от силы в силу, но внешним толчком ухода явилась его болезнь. Так, был некоторый толчок и для того, чтобы в пустыни предаться подвигу молчальничества, – это была смерть настоятеля.

По преклонному возрасту своему старец Исаия сложил с себя обязанности настоятеля, но не мог быть без бесед с преподобным Серафимом, и его из монастыря возили на тележке в пустынь. Смерть старца Исаии была великой скорбью для преподобного Серафима, он в старце имел именно того собеседника духовного, о котором многократно по разным поводам говорил после, советуя своим чадам иметь друзей.

И вот непосредственно в связи с этим событием вступает преподобный Серафим на путь новых великих подвигов. Вот что говорит преподобный Серафим о молчальничестве: «Паче всего должно украшать себя молчанием; ибо Амвросий Медиоланский говорит: «Молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного». И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, слова же орудие суть мира сего».

Так высоко оценивает значение молчальничества преподобный Серафим. От многоглаголания, которого, конечно, так много было и в монастыре, стремился он уйти сначала в пустынь, а потом и в молчальничество.

«Молчание есть таинство будущего века» – в самом деле, в мирской жизни разве знают молчание? Там всё основано на многоглаголании, там царствует язык; там люди живут шумно, говорливо, там постоянно есть стремление к тому, чтобы дать простор злословию, осуждению клевете. Когда люди сходятся вдвоём, им неловко помолчать, они выдумывают темы для того, чтобы пустить в ход свой язык, они «занимают» друг друга. Молчание нестерпимо для людей, живущих внешней жизнью, наполняющих внутреннюю пустоту внешней трескотнёй и внешними впечатлениями, но там, в мире горнем, есть некое таинство бытия, для нас непостижимое, там царствует молчание, каковое и здесь, в минуты благоговения, в уединённых подвигах сподобились ощущать и переживать все наши подвижники.

Для того чтобы не нарушать своего обета молчания, преподобный Серафим перестал ходить в монастырь. Раньше он ходил из своей пустыни к праздничным службам, а наложив на себя обет молчания, он перестал туда ходить вовсе. Раз в неделю ему приносил его послушник или хлеб, или капусту. Когда послушник приносил преподобному Серафиму это скудное пропитание, он выносил ему обратно посуду и оставлял в этой посуде или

кусоч хлеба, или немного капусты. Это означало, что нужно ему принести в следующий раз то или другое. Смиранный послушник, иногда в метели и вьюги по снегу и сугробам, с трудом приходил в пустынь, неся преподобному Серафиму необходимое для его жизни.

Так с внешней стороны протекала жизнь преподобного Серафима в молчальничестве.

Каков же был внутренний смысл этого подвига? Сам преподобный Серафим раскрывает его. Вот что говорит он:

«Когда мы в молчании пребываем, тогда враг диавол ничего не успеваеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме». Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. «От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сие сей последней в сердце человеческом можно уподобить воде оной тихой Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *воды Силоамли текущая тисе*. Плодом молчания, кроме духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве».

Всякому подвигу надлежит встретиться с врагом. Это не подвиг, который вдруг был бы оставлен без вражеского нападения. Чем более велик подвиг, тем страшнее нападение. Самый робкий, самый первый шаг на пути духовной жизни и то встречает многообразные препятствия и самые неожиданные, самые злые нападения вражеские, но такие великие подвиги, естественно, влекут и великие нападения. О внутренних борениях, о том, что преодолел преподобный Серафим в этом молчании, никто не знает, кроме Господа Бога. Ведь там чеканилась, в этом молчании, та драгоценность духа, которая потом была явлена миру преподобным, открывшим свой затвор.

Но мы знаем внешние злые нападения. Перед преподобным Серафимом поставили вопрос: на каком основании он не ходит в монастырь причащаться Святых Тайн?

Собрали «собор» по этому делу и решили предложить ему ходить в монастырь по-прежнему. Раз пришёл послушник и сообщил преподобному Серафиму постановление братии. Молча, ничего не ответив, выслушал это постановление преподобный Серафим и в монастырь не пошёл. Снова повелел игумен повторить преподобному Серафиму это распоряжение, и когда вновь сказал то же пришедший инок, преподобный Серафим молча последовал за ним в монастырь. И вот в 1810 г., после пятнадцати лет пустынножительства, преподобный Серафим вошёл в ворота монастыря. Весь монастырь пришёл в движение, это было событие для монастыря

необычайное. Но возросло ещё больше общее изумление, когда преподобный Серафим в полном молчании после службы прошёл в покои игумена, а оттуда пошёл в келию, указанную ему, и там затворился.

Он исполнил распоряжение власти монастырской, он ушёл из своей пустыни в монастырь, но здесь заключился в затвор. Началось смущение в братии по поводу такого упорного нежелания быть в общении с ними. Спрашивали: «Зачем он уединяется, когда, пребывая в близком общении с братией, мог назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей?» Старец отвечал, говоря словами святых отцов: «"Возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире», – сказал Исаак Сирийский. И св. Григорий Богослов рек: «Прекрасно благовествовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога"»,

Вот ответ, который дал преподобный Серафим на эти искушающие вопросы. В его келии не было ничего, кроме икон и обрубка дерева. В это время преподобный Серафим под рубашкой носил большой железный крест на верёвке. Носил ли он вериги, с точностью сказать трудно; в некоторых житиях указывается, что он носил их, в некоторых говорится, что вериг у него не было и что за них принимался железный крест. А вот что сам преподобный Серафим говорил о веригах: «Кто нас оскорбит словом или делом, если мы перенесём обиды по-евангельски, вот и вериги наши, вот и власяница».

В это время питанием преподобного Серафима были вода и рубленая капуста. Послушник, носивший ему воду, уже встречал преподобного Серафима иначе, чем когда он был в молчании. Преподобный Серафим, находящийся в затворе, не показывал ему своего лица. Он выходил к послушнику, закрывшись полотном, и простирал лишь руки, чтобы принять от него посуду, в которой тот приносил пищу. А иногда вовсе не выходил, вовсе не принимал принесённого, то есть оставался некоторое время совершенно без всякой пищи. В это время молитвенным его правилом была, кроме обычного его правила, особенно усердная молитва Иисусова.

О молитве Иисусовой преподобный Серафим говорит так:

«За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. В молитве внемли себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и более твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твоё теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух, – тогда потечёт в тебе молитва она беспрестанно и всегда будет с тобою,

наслаждая и питая тебя».

Преподобный Серафим причащался Святых Тайн в своей келии. Ему приносили Причастие в его затвор. К этому времени относится его усиленное желание иметь всегда в сердце память смертную. Память смертная – это совсем не постоянный страх и ужас, это есть постоянное памятование о часе смертном, дабы ничтожною казалась мирская жизнь и дух устремлялся к вечности. Для того чтобы сделать память смертную постоянной, преподобный Серафим поставил в своей затворнической келии гроб, в котором и завещал похоронить себя.

Пробыл преподобный Серафим в затворе пять лет. Потом понемножку начал ослаблять затвор: сначала, не выходя из келии, отворил свою дверь и стал виден для братии, хотя и жил и подвизался так, как будто бы никого кругом не было. Но иногда он вновь надолго затворял двери. И вот однажды, когда двери его были заперты, приехал архиерей Иона и пожелал обязательно увидеть преподобного Серафима. Пошли сказать ему об этом. Преподобный Серафим двери не отворил. Тогда решительный игумен Нифонт, тот самый, который впоследствии не допускал дивеевских сестёр к преподобному Серафиму, предложил меру решительную: снять с крюков дверь, но архиерей Иона воспротивился и сказал, что если преподобный Серафим не считает возможным сам отворить дверь своего затвора, то его надо оставить в покое.

Наконец наступило время выйти преподобному Серафиму на путь общественную служения. Явилась преподобному Серафиму Божия Матерь и повелела ему отворить двери и сделаться для всех наставником и старцем. Так кончился затвор преподобного Серафима.

Преподобный Серафим научил братию свою понимать, что есть подвиг и ради чего он совершается. Он решительно отменяет суетные мирские укоры, что подвижничество – это эгоистическое самоспасание, что надо не Богу молиться, а приносить людям пользу. Много ли подвижников? И сколько людей в мире занимаются принесением пользы?

Лишь отдельные люди избирают путь, каковой избрал преподобный Серафим. Жизнь свою преподобный Серафим засвидетельствовал и утвердил ту пользу, которую приносит человек, когда он достигает духовного совершенства. Не для самоистязания, не для того, чтобы умертвить себя, а для того, чтобы в этом огне подвижнических борений создать душу чистую и служить Господу, совершаются подвиги, потом уже Господь Сам распорядится, что и как делать этой душе.

Был преподобный Серафим в послушании, был преподобный Серафим в пустыни, был он в молчании, потом перешёл в затвор, во всех

подвигах пребывал десятки лет, и лишь под самый конец жизни, лишь последние семь лет он служил людям. Но эти семь лет были так плодоносны в деле служения ближним, что они, конечно, оправдали бы и не одну человеческую жизнь. Да и мы сами разве на себе не испытываем правду подвижнического пути преподобного Серафима? Разве сейчас каждый из нас не испытывает на себе благодатного действия его праведной жизни, наипаче же те, которые были в Сарове на поклонении святым мощам?

Ведь и сейчас, через 100 лет после его кончины, каждый со своею скорбью, со своею тоскою идёт к нему. Не идёт он туда, к обещающим «принести пользу», ибо какое он там найдёт себе утешение? Мы все устали душою из-за отсутствия истинной жизни: один изнемогает от внутренних своих борений, другой изнемогает от всевозможных житейских скорбей. И когда делается так тяжело, так нестерпимо больно, куда он пойдёт за исцелением? Пойдёт он вот к таким подвижникам, к таким угодникам Божиим, каким был преподобный Серафим.

Аминь.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Не ставят зажжённый светильник под спуд, и не может укрыться город, стоящий на вершине горы. Но для того, чтобы возжечь светильник, и для того, чтобы городу вознестись на вершину горы, для этого требуется положить много трудов, нужно совершить великую работу Господню.

Преподобный Серафим Саровский подвизался более 40 лет, делая эту работу. Какие труды, какие борения, какие искушения и трудности были на этом пути, мы уже видели в наших прошлых беседах; какое послушание, какое смирение, какое терпение, какая любовь ко Господу воспламеняли дух преподобного Серафима на всё сие, видели. И вот ныне перед нами открываются двери келии преподобного Серафима. Перед нами его труды, как светильник, светящий людям, перед нами город, который виден всем, – это период старчества преподобного Серафима. Здесь ответ на все суемудрые вопросы о том, зачем нужен был его затвор, зачем были нужны все его труды и уединённые подвиги: пустынь, затвор и молчание. Всё для того, чтобы душу отдать на служение Господу. Как Он распорядится этой душой, человеку думать не надлежит. Ты лишь думай о том, чтобы привести её в достойный порядок, чтобы её отдать всю на служение Господу, потом уже Сам Господь укажет, как надлежит тебе служить людям.

Старческая деятельность преподобного Серафима по времени невелика – 8 лет, а подготовлялся он к ней 16 лет в иночестве, 15 лет в отшельничестве и 15 лет в затворе – всего 46 лет.

Внешняя жизнь старца Серафима была иной, чем в затворе. Каждый мог приходиться к нему: братия – во всякие часы, во всякое время, а люди мирские, посторонние – после ранней обедни и до восьми часов вечера.

В житии рассказывается, как принимал посетителей преподобный Серафим. После беседы он покрывал епитрахилью посетителя и заставлял повторять за собою следующие слова: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, умом, делом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением».

И за сим читал разрешительную молитву, каковую читает священник на исповеди: «Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего Человеколюбия да простит ти, чадо, вся согрешения твоя, и аз, недостойный иерей, властью мне данной, прощаю и разрешаю тя от всех

грехов твоих во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Помазывал он чело елеем из лампадки и, целуя в уста приходившего к нему, говорил всегда: «Христос воскрес» – и за сим давал прикладываться к иконе Божией Матери.

С самыми тяжкими духовными и житейскими затруднениями приходили к нему. Он был близок ко всей жизни, не гнушался нашими слабостями и житейскими заботами и скорбями. В житии рассказываются трогательнейшие случаи таких к нему обращений с житейской нуждой.

Однажды прибежал к преподобному простой крестьянин с шапкой в руке, с растрёпанными волосами и упал в ноги: «Батюшка, у меня лошадь украли, я теперь совсем нищий, не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь».

Серафим ласково взял его за голову и, приложив к своей голове, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в такое-то село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги и пройди задами четыре дома, там увидишь ты калиточку, войди в неё, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча».

Всё так и исполнил и получил крестьянин свою лошадь.

Прежде чем перейти к рассмотрению самого главного делания преподобного Серафима в этот период его жизни – разумею заботы о дивеевской обители, – нам надо подробно рассмотреть отношение его к семье Мантурова и к Мотовилкову.

Мантуров был богатый помещик. Он захворал тяжкой болезнью и был почти при смерти, уже начали выпадать у него от разложения кости из ноги. В таком состоянии крайнего изнеможения он приехал в Саровскую пустынь к преподобному. Отец Серафим встретил его словами: «Что, пожаловал посмотреть на убогого Серафима?»

Мантуров со слезами стал просить его об исцелении. Тогда Серафим спросил его: «Веруешь ли ты в Бога?» И повторил это три раза: «Веруешь ли ты в Бога?»

И ответил ему болящий Мантуров: «Верую, верую, верую».

«Радость моя, – сказал ему тогда преподобный Серафим, – если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему всё возможно от Бога, а потому верь, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь».

Посадил он Мантурова у гроба своего, который стоял у него всегда, а сам ушёл в келию молиться.

Когда вернулся к Мантурову, то помазал его святым елеем и сказал: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя исцеляю». И потом насыпал ему сухарей и сказал, чтобы он шёл и нёс их в монастырь. И

почувствовал Мантуров, что он здоров, бросился лобзать ноги преподобному Серафиму, а тот ему сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и жить, низводить в ад и возводить? Что ты, батюшка, это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его. Ему, Всемогущему, и Пречистой Его Матери должен воздать благодарение».

Так исцелил преподобный Мантурова, так начались их отношения. Исцелённый уехал. Там, в миру, он вспомнил со страхом, что преподобный Серафим повелел поблагодарить Господа. Поблагодарить Господа, но как? Снова он едет в Саровскую пустынь к преподобному Серафиму с этим именно вопросом. Опять его встречает преподобный Серафим, но уже вот какими словами: «Радость моя, а ведь мы обещали поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то».

Удивился Мантуров прозорливости старца и ответил: «Я не знаю, чем и как, что же вы прикажете?»

Тогда, повествует нам житие, преподобный Серафим взглянул на него особым образом и весело сказал: «Вот, радость моя, всё, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету».

Поразился и устранился Мантуров. Это ведь значило ни более ни менее, как в один миг отказаться от всей своей жизни: от богатства, от устроенного внешнего благополучия, а у него жена была, нужно было подумать о семье. Как всё это пронеслось в разуме его, преподобный Серафим, прозревая мысли его, сказал: «Оставь всё, не пекись о том, о чём ты думаешь. Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей. Богатства не будет – хлеб насущный будешь всегда есть».

«Согласен, батюшка, что благословите мне сделать?»

«А вот, радость моя, – ответил преподобный Серафим, – помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Господь».

И вразумил преподобного Серафима Господь, дабы Мантуров продал имение своё, отпустил на волю крепостных людей, купил 15 десятин земли в селе Дивееве и стал там жить. А что это была за жизнь, по-человечески говоря, какая это была нужда, какая это была нищета, какие это были постоянные насмешки, какое это было постоянное злословие – об этом повествует нам житие преподобного.

Особенно тяжело переносила этот подвиг жена Мантурова, которая часто роптала, часто осуждала, часто поносила своего мужа за то, что он послушался преподобного Серафима. Сама она об этом своём состоянии и о том, как она исцелилась от него, рассказывает так:

«Однажды, когда мы до того уже дошли зимой, что не было чем осветить комнаты, а вечера длинные, тоскливые, тёмные, я

раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку, о. Серафима начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич всё молчит да вздыхает. Вдруг слышу какой-то треск, смотрю – Господи, страх и ужас напали на меня. Боюсь смотреть, глазам своим не верю. Пустая, без масла, лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полной елея. Тогда я залилась слезами, рыдая и всё повторяя: «Батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня Христа ради, окаянную, роптунью недостойную – никогда более не буду». И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать и как ни трудно было, а всё терпела».

Мантуров стал ближайшим помощником преподобного Серафима в делах дивеевских. Дальнейшая его судьба связана с необычайными событиями, но уже касающимися сестры его, Елены Васильевны.

Елена Васильевна, когда была невестой, была нрава весёлого, совсем иная по своей настроенности, чем брат. И вот внезапно она отказала своему жениху. Случилось это так. Понадобилось ей ехать по поводу наследства, которое неожиданно должна была она получить. Во время дороги, когда ей нужно было выйти из кареты, слуги её вдруг заметили, что она остановилась и стоит в каком-то ужасе и трепете. Впоследствии она рассказывала, что в этот момент она увидела над собою страшную пасть какого-то змея, который хотел её проглотить. И тут она взмолилась ко Господу и дала обет девства.

Она приехала к преподобному Серафиму, чтобы от него получить благословение постричься в монастырь. И в ответ услышала такие страшные для неё, такие загадочные, такие непонятные слова: «Нет, матушка, что это ты задумала в монастырь, нет, радость моя, ты выйдешь замуж».

«Что это вы, батюшка, – испуганно сказала Елена Васильевна, – ни за что не пойду, я не могу, я дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня».

Но старец повторял всё: «Отчего тебе не выйти замуж? Жених у тебя хороший, благочестивый, матушка. Все тебе завидовать будут. Нет, ты и не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя».

«Что это вы говорите, батюшка, да не могу я, не хочу я замуж».

Но старец своё: «Нет, нет, радость моя, тебе уж никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка».

Несколько раз она ездила к преподобному Серафиму и каждый раз получала от него одно и тоже настойчивое указание, что она выйдет

замуж. Она рассердилась, она решила пойти в другой монастырь уже без благословения преподобного Серафима, но не выдержала, всё-таки приехала к нему и получила прозорливое вразумление, что ей не надлежит уходить туда, и всё ей твердил, что она должна выйти замуж, а она всё говорила одно: «Не хочу замуж, батюшка».

Так три года испытывал её преподобный Серафим, наконец позвал к себе и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться».

Испуганная Елена Васильевна зарыдала: «Не хочу я замуж, батюшка».

Но преподобный Серафим сказал: «Ты всё ещё не понимаешь меня, матушка. Ты только скажи начальнице-то, Ксении Михайловне, что отец Серафим приказал тебе с женихом обручиться, в чёрненькую одежду одеться. Ведь вот как замуж-то выйти, матушка. Ведь вот какой Жених-то, радость моя. Пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепишь лишь и мужайся. Он и придёт ночью тихонько и принесёт тебе кольцо, перстенок, как Екатерине-то великомученице, матушка. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка».

Так и постриглась в монастырь Елена Васильевна и сделалась ревностнейшей послушницей преподобного Серафима.

Здесь мы должны подойти к завершительному моменту великой её жизни и великого её послушания. Это касается последних дней приснопамятной послушницы Елены Васильевны. Преподобный позвал её к себе и сказал:

«Ты всегда меня, матушка, радость моя, слушалась. И вот теперь хочу я тебе дать одно послушание. Исполнишь ли ты его, матушка?»

«Я всегда вас слушала и всегда готова вас слушать».

«Во, во, так, радость моя, – воскликнул преподобный Серафим и продолжал. – Вот видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас, и пришло время ему умереть. Умереть надо ему, матушка, а он мне ещё нужен для обители-то нашей, для сирот-то. Так вот послушание тебе: умри ты за Михайло-то Васильевича, матушка».

«Благословите, батюшка» – так ответила Елена Васильевна, великая его послушница. Повернулась она, чтобы уйти в дверь после долгой сладостной беседы, в которой он, услаждая её, подготовлял к великому подвигу, она пошатнулась и упала, а когда пришла в себя и была увезена в свою келию, то слегла и уже не встала. Она умерла.

Описание её смерти – это описание исхода души праведной ко Господу: она видела Царицу Небесную, видела Жениха своего, видела необычайной красоты дворец: «Описать красоту его при полном желании

не могу вам, батюшка, весь он был из прозрачного хрусталя, и двери, замки, ручки и отделка из чистого золота. От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел».

Так почил великая послушница преподобного Серафима, так кончилась её жизнь земная.

Мы, рассматривая жития святых праведных людей, не только испытываем сладость и утешение, но получаем назидание.

В этом событии нечто открывается нам. Дворец, о котором говорила Елена Васильевна, заставляет нас поразмыслить о нашей жизни. Мирскую пошлую жизнь мы принимаем за дворец. Дьявол обманывает нас всевозможной подделкой и мишурным блеском. Но дворцы из хрусталя и золота – истинная драгоценность, и истинная красота – только там, где Господь, а дорога к этому дворцу лежит через подвиги Серафима.

Аминь.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Не похоже ли наше отношение ко всему, что связано с жизнью преподобного Серафима, на некие воспоминания наши о нём, как будто мы рассматриваем не житие его, а вспоминаем то, что видели своими глазами.

Это то же чувство, которое испытывают решительно все побывавшие в Саровской пустыни. Не верится, что преподобный Серафим жил 100 лет тому назад.

Когда идёшь по дороге от монастыря в дальнюю пустынь и проходишь источник или место, где на камне молился преподобный Серафим, то кажется тебе, что ты посещаешь места, совсем недавно освящённые благодатною его жизнью – таким близким, совсем близким кажется тебе преподобный Серафим.

Отсюда и в нашем рассмотрении жизни его эта потребность подольше остановиться и подробнее рассмотреть отдельные факты, наиболее значительные в жизни преподобного Серафима.

В прошлую беседу нашу мною было сказано, что прежде чем нам перейти к рассмотрению отношения преподобного Серафима к Дивеевской обители, мы должны подробнее рассмотреть его отношения к Мантуровым и Мотовилову.

О Мантуровых мы говорили в прошлый раз. Ныне переходим к Мотовилову. Как знакомство и начало отношений с Мантуровым связано с исцелением его от болезни, так же связано с исцелением начало и этих, более внутренних отношений с Мотовиловым.

Мотовилов о своей болезни говорит так:

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители великий старец Серафим исцелил меня от тяжких, неизмеримо великих ревматических и других болезней с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал неисцельно более трёх лет. 1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих».

Преподобный Серафим исцелил Мотовилова. Для нас, почитающих преподобного Серафима и ведающих о его чудесах, это так же естественно, как сказать о человеке, умеющем говорить, что он сказал слово. Но рассмотрим подробно, как всё это произошло, дабы нам

воскресить перед собой живой образ преподобного Серафима.

Четверо принесли Мотовилова к преподобному Серафиму, а пятый поддерживал ему голову. В это время преподобный Серафим сидел на лужайке на большой поваленной сосне, которая, как говорит Мотовилов, и сие время лежит на берегу Саровки. И вот на просьбу об исцелении, обращённую к преподобному Серафиму он сказал: «Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь».

Мотовилов ответил ему, что испробовал все лечения у докторов, был у самых известных, у самых прославленных и теперь надеется только на одного Господа Бога.

«И тогда преподобный спросил:

– А веруете ли в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что она есть Приснодева?

– Верую.

– А веруете ли, что Господь как прежде исцелял мгновенно, так и ныне также легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи?

– Истинно всему этому всею душою моею и сердцем моим верую.

– А если веруете, то вы здоровы уже!

– Как здоров, – спросил я, – когда люди мои и вы держите меня на руках?

– Нет, – сказал преподобный, – вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы вконец!

И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги, сказал мне:

– Крепче стойте, твёрже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здоровы теперь.

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

– Вот видите ли, как вы хорошо теперь стоите.

Я отвечал:

– Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня.

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

– Ну вот, уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня всё крепко же стоите.

Взяв меня за руку одною рукою своею, а другую в плечи мои немного подталкивая, повёл меня по траве и по неровной земле около большой

сосны, говоря:

– Вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли!

Я отвечал:

– Да потому, что вы хорошо меня вести изволите!

– Нет, – сказал он мне, отняв от меня руку свою, – Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы и без меня теперь пойдёте и всегда хорошо ходить будете; идите же.

И стал толкать меня, чтобы я шёл.

– Да этак я упаду и ушибусь, – сказал я.

– Нет, не ушибётесь, а твёрдо пойдёте.

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твёрдо пошёл, то он вдруг остановил меня и сказал:

– Довольно уже! – и спросил: – Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил?

И дал совет:

– Так как трёхлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно, мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий».

Мотовилов пошёл в монастырь исцелённым. Люди его пошли отдельно лесом, славили Господа, а молва о том, что произошло исцеление, уже бежала вперёд, в монастырь. Там, в монастыре, вышли навстречу исцелённому Мотовилову и игумен, и иеромонахи, которые поздравляли его с великой милостью Божией.

Вот так начались отношения Мотовилова с преподобным Серафимом. Могут ли отношения, начавшиеся так, пройти безразличными для человека, может ли совершившееся такое великое благодеяние Божие остаться бесследным, коренным образом не изменить всю последующую жизнь человека? Какое для этого нужно было иметь каменное сердце и величайшее легкомыслие! Мотовилов, пережив это чудо, сделался послушником Божией Матери, как его называл преподобный Серафим. Коли отношения с Мантуровым были более делового характера, то отношения с Мотовиловым, напротив, имели значение глубокое, внутреннее. Именно ему преподобный Серафим раскрыл многие духовные тайны, и мы обязаны Мотовилову не только тем, что он сохранил многие предметы, оставшиеся после кончины преподобного Серафима, с любовью сохранив в Дивееве даже некоторые выкупленные у саровских монахов, но он ещё более имеет для нас значение тем, что сохранил духовную

драгоценность, преподанную ему в беседах с преподобным Серафимом. Вот об этой внутренней стороне надлежит сказать нам.

Преподобный Серафим говорил Мотовилову, что первейшая цель человеческой жизни есть стяжание Святого Духа Божия. Что исполнение заповедей, совершение богослужений, посты – всё это есть как бы русла, по которым течёт человеческая жизнь, дабы потом всё это соединить в некоем благодатном мире того духовного состояния, которое он именуется стяжанием Духа Святого Божия. Мы, обыкновенные смертные, по самому естеству нашей природы способны видеть отблески высшей правды в разрозненных явлениях человеческой жизни.

Когда людей тянет мирская жизнь, это не всегда значит, что мир соблазняет их злом. Нет, видя в мирской жизни отблески правды, они принимают мир за полноту истины. Верующим, которые идут путём, указанным Святой Церковью, Господь открывается созерцанием красот мира, в молитве, в редкие, исключительные моменты духовного подъёма, особенно при таинстве святого Причащения. Это минуты светлого и лучезарного осияния благодатного Святого Духа.

Но вот как об этом состоянии свидетельствует необычайная беседа преподобного Серафима с Мотовиловым.

Мотовилов спросил преподобного Серафима: «Какое же будет доказательство, что Дух Святой пребывает в душе?».

«Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобой!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

– Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

Отец Серафим сказал:

– Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божия.. Что же чувствуете вы теперь?

– Необыкновенно хорошо! – сказал я.

– Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

– Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

– Что же ещё вы чувствуете?

– Необыкновенную радость во всём моём сердце!

– Что ещё вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я сказал:

– Теплоту необыкновенную!

– Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снегу и сверху крупа падает.. Какая же может быть тут теплота?»

Завершая беседу, преподобный Серафим сказал:

«Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святого...» Этою-то полнотою Духа Своего Святого и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святого!..»

Разве мы в своей жизни не имеем подтверждения слов преподобного Серафима? Разве даже после наших бледных, скорее похожих на намёк благодатных состояний духа не теряем смысл и интерес к внешней и материальной стороне жизни?

Как понятны нам делаются слова преподобного Серафима.

Если бы надолго удержаться в этом состоянии, человеку не было бы никакого дела ни до еды, ни до питья, он не мог бы долее жить во плоти.

Когда благодатная сила Божия осеняет человека, жизнь его во плоти здесь имеет только один смысл: идти дальше по пути духовного совершенствования.

Преподобный Серафим многое открыл Мотовилову из тайн будущего. Одно нам надлежит особенно заметить. Это то, что касается судеб Церкви и мира. Говоря о том, что иногда отступает от человека благодать Божия, он указывает на причину сего. А потом говорит так:

«Есть ещё причина, и, можно сказать, беспричинная причина, по коей благодать Всесвятого Духа изволит иногда оставлять даже человека богоносного. И это уже попускается от Самого Господа испытывать сим лишь крайне укрепившихся в благодати Божией людей.. Так вот, такое же искушение будет допущено на всю вселенную во времена антихриста, когда все святые Божии люди и Святая Церковь Божия Христова, лишь из них одних состоящая, как бы оставлены от защищения и помощи Божией будут; нечестивые же восторжествуют и возвеличатся над ними».

То есть будут такие времена антихриста, когда Церковь, уже в это время состоящая как бы исключительно из святых Божиих людей, будет попусцием Божиим совершенно оставлена от защищения, и тогда-то будет требоваться, дабы не отступить от Христа, вера, терпение святых.

Но в преддверии к такому состоянию, говорит преподобный Серафим, «подобные же тому безмерные искушения попускаются и будут

попускаться и до этого времени на святых великих угодников Божиих».

Вот, что предрекает преподобный Серафим. Мы знаем, что сие предречение находится в полном соответствии со Словом Божиим, и всё же в устах преподобного оно, это предречение, ближе продвигается к нам, как бы ещё более нами усваивается. Почему оно важно нам? Мы не знаем времён и сроков, мы не предрекаем скорое пришествие антихриста. Даже преподобный Серафим, когда к нему некто обратился с этим вопросом, сказал: «Ты слишком много думаешь об убогом Серафиме».

Кто же из нас дерзнёт предсказать о времени? Но не сие важно нам в этом предречении – оно нас укрепляет в том, чтобы нам не искушаться и не соблазняться одной соблазнительной мыслью для человека: мыслью о том, что если «все» не веруют – значит «все» правы.

Когда кругом безбожники, человека и самого тянет отречься от веры. И хотя бы эти «все» были погружены в самые безобразные пороки и этим воочию свидетельствовали, что не у них правда, всё-таки слово «все» производит на человеческую душу какое-то соблазняющее впечатление. Неужели, дескать, все не правы, а прав я один да ещё какая-то «кучка попов»?

Чтобы утверждаться пророчеством святых, укрепляющих нас в вере, что мы, малое стадо, идём верной дорогой, будущее Церкви с самых первых времён никогда не рисовалось как внешняя победа и торжество. Церковь, по Слову Божию, в последние времена будет ничтожной по своему количеству горсткой святых. Но эта Церковь встретит Христа, грядущего во Славе.

Аминь.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Ни в чём так не выражается образ преподобного Серафима, как в его отношении к Дивеевской обители, к сиротам дивеевским. Это его создание. Завещала ему заботу о Дивееве основательница монастыря матушка Александра, которая, умирая, просила старца Пахомия, чтобы он возложил на себя заботу о сёстрах, а Пахомий сказал: «Стар я и слаб, а вот иеродиакон Серафим, духовность его тебе известна, он доживёт до этого, ему и поручи это великое дело».

И поручила ему матушка Александра. А 9 декабря 1826 г., когда состоялась уже закладка мельницы, полагавшей материальную основу Дивеевской общины, преподобный Серафим в некоем восторге воскликнул: «В день зачатия Анны и я хочу зачать обитель».

Это было его порождение, это были самые интимнейшие выражения его духа. Естественно, что на это и было направлено вражеское ополчение. Естественно, что здесь именно врагу и надо было как бы дать решительную битву преподобному Серафиму.

Отношение преподобного Серафима к Дивеевской обители вызвали соблазны братии саровской.

Первый из этих соблазнов был грубо материальный, он касался тех материальных забот преподобного о дивеевских сёстрах, которые не нравились саровским монахам. Много надо здесь приводить примеров, прочтём только, что говорила монахиня Капитолина:

«Много терпел за нас батюшка, много родименький принял за нас, много перенёс терпения и гонения. Как впервые-то прислал наш батюшка на мельницу-то два столбика, да вовсе так и не значащие, привезли их к нам, так у воротец и сложили, даже класть ещё негде было у нас.

Бранятся. «Ваш Серафим всё таскает, – говорят они, – кряжи увёз, показывайте сейчас, где они у вас запрятаны». Чудеса. Показали мы лежащие у ворот столбики. И верить не хотят, бранятся – такие и сякие, всё попрятали. Прихожу я после к батюшке-то, а он меня и встречает: «Во, – говорит, – радость, суды заводят. Кряжи я увёз какие. Судить хотят убогого Серафима. Зачем слушает Матерь Божию, что велит Она убогому? Зачем Матерь-то Божию слушает, зачем девушек дивеевских не оставляет? Прогневались, матушка, прогневались на убогого Серафима. Скоро на Царицу Небесную подадут в суд».

Это был соблазн грубый, но был соблазн тонкий и страшный: он

касался отношения преподобного Серафима к дивеевским сёстрам.

Эти отношения представлялись для окружающих слишком неясными, непонятно близкими, непонятно родными. И вот этот соблазн, по видимому, и причинял, главным образом, тяжкие скорби преподобному Серафиму, именно этот соблазн заставил в конце концов и игумена Нифонта прямо сказать преподобному Серафиму: «Тобою соблазняются, соблазняются тем, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам дивеевским».

И на это, сначала поклонившись в ноги игумену, преподобный Серафим ответил наставительно: «Ты пастырь, не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности».

Этот соблазн заставил и произвести обыск у преподобного Серафима, как свидетельствует старице Ксения Кузьминична:

«Раз пришло нас семь сестёр к батюшке, работали у него целый день и остались ночевать в пустыни. Часу эдак в десятом увидела наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя фонарями – и прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исая, и поскорей навстречу им открыли дверь. Вошли они, не бранили ничего, оглядели только нас зорко и молча чего-то всё искали и приказали нам тут же одеться поскорее и немедленно идти прочь».

Этот соблазн заставил преподобного Серафима обратиться к защите Самого Господа. Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось в знак Божиего определения. Это дерево оказалось выворочено с громадным корнем при совершенно тихой погоде.

Мы оставляем в стороне внешнюю историю Дивеева, постройку мельницы, покупку земель, постройку храмов и хозяйственную жизнь обители. Нас интересует не внешняя, а внутренняя сторона отношений преподобного к Дивееву. 25 ноября у источника явилась преподобному Серафиму Матерь Божия, а через несколько дней после этого произошло следующее событие.

Преподобный Серафим взял двух своих любимых сестёр – Параскеву Степановну и отроковицу Марию – и пошёл с ними в дальнюю пустынь. И вот там, в дальней пустыни, он подал им две зажжённые свечи, поставил двух сестёр: одну по правую, другую по левую сторону Распятия, которое висело на стене, а сам стал молиться. Молился он долго, так, что они с зажжёнными свечами стояли больше часа. Потом помолился, приложился к Распятию и им велел помолиться и приложиться. Во время этой молитвы

явилась у преподобного Серафима мысль о закладке мельницы, каковая закладка послужила фундаментом внешнего бытия Дивеевской обители. Тут же преподобный Серафим открыл будущее той обители, связав это своё утверждение внешнего её бытия с грядущими её судьбами. Так, когда к нему пришла жившая в довольстве молодая красивая женщина, которая решила выйти замуж, преподобный Серафим стал уговаривать её остаться в Дивеевской общине.

«Нет, батюшка, не хочу. Не могу никак». – «Послушай, радость моя, – продолжал отец Серафим, да так-то сладостно, хорошо, прибавляла Ксения, – я тебе открою тайну, только смотри, умолчи её до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место. А чего Царица-то Небесная не возможет, всё будет у неё. Вот Она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила бы их. Потом благословила Матерь-то Божия и церковь им свою выстроить, матушка. Во, радость моя, всё своё у нас будет. Это я тебе только говорю, а ты умолчи до времени».

Ксении все эти слова показались странными. Прозревая мысли её, преподобный Серафим сказал: «Ведь вот ты какая. Говоришь – любишь меня, а усомнилась и не веришь убогому Серафиму. Поверь, поверь мне, матушка, всё это совершится».

Вид у о. Серафима был при этом чудесен, привлекателен и весьма вдруг просветлён. Так преподобный Серафим раскрыл будущее Дивеевской обители. Внутренние отношения, которые были среди сестёр, представлялись ему так:

«Когда я ещё была мирской, рассказывает Мария Васильевна, бывала я у батюшки Серафима. Как-то он спросил меня:

– Видела ли ты Дивеево и моих девушек матушка?

– Видела, – говорю, – батюшка.

– А видела ли ты пчёлку, матушка?

– Как же, – говорю, – не видать? Видела, батюшка.

– Ну вот, матушка, ведь пчёлки-то всё вокруг матки вьются, а матка от них никуда. Так вот точно и дивеевские мои девушки ровно как пчёлки всегда с Божией Матерью будут».

А как преподобный Серафим относился к ним? Это так ярко чувствуется в многочисленных рассказах его сирот. Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым лицом и в новом белом балахончике. Ещё издали воскликнул он: «Что я тебе, матушка, принёс!» – и подошёл к ней, держа в руках зелёную веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус был

невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста ещё такой же фрукт, он произнес: «Вкуси, матушка, это райская пища».

Он ревниво оберегал дивеевских сестёр от всякого растленного духа, считая их как бы своею собственностью, подаренной ему Самой Божией Матерью на его ответственность. Поэтому всякое посягательство со стороны сего тлетворного духа встречало со стороны преподобного Серафима резкий отпор и пламеннейшую молитву в заступление их. Ксении было сказано преподобным Серафимом, что если она придёт в монастырь и её кто-либо будет звать к себе побеседовать, чтобы она не соблазнулась этим. Забыв предостережение, Ксения ослушалась. Наутро, придя к преподобному Серафиму в слезах, стала ему каяться, он сказал: «Господь тебя простит, ведь теперь ты ещё больше моя, ибо я тебя нынче ночью аки добычу у льва из зубов вырвал».

Мы подходим к ласковости и близости в отношении к сёстрам, которые и вызывали соблазны развращённых мирским духом людей.

Послушница Елены Васильевны Мотовиловой, Ксения Васильевна, говорит:

«А как батюшка-то любил нас, просто ужас да и только, сказать-то я уже не умею. Бывало, придёшь это к нему, а я всегда этакая суровая, серьёзная была, ну вот и приду, а он уставится на меня да и скажет:

– Что это, матушка, к кому это ты пришла-то?

– К вам, батюшка.

– Ко мне, да и стоишь как чужая. Ко мне-то, к отцу-то? Что ты, что ты, матушка!

– Да как же, батюшка, как же?

– А ты приди да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка.

– Ах, как же это, батюшка, да разве я смею?

– Да как же не смеешь-то, ведь не к чужому, ко мне пришла, радость моя, эдак к родному не ходят. Да где бы это ни было, да при ком бы то ни было, хотя бы тысяча тут, должна была прийти и поцеловать, а то что стоишь, как чужая».

Преподобный Серафим имел особое от Божией Матери поручение и попечение о дивеевских сёстрах, и всё его отношение к дивеевским сёстрам неразрывно связано с его постоянными молитвенными воздыханиями к Божией Матери.

Это святейшее место ограждено святою тропею, которую прошла стопочками Своими Сама Пречистая Матерь.

Только в таком святейшем месте могли создаваться такие отношения.

Об этой святой тропе, об этой канавочке свидетельствует Василий Садовский:

«Много чудесного говорил батюшка о Серафим об этой канавке. Так что канавка эта – стопочки Божией Матери. Тут её обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до небес высока. Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица. Туту меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим. И как антихрист придёт, везде пройдёт, а канавки этой не перескочит».

Чудесно началось основание этой канавки: было как бы видение сестрам, многие из них в разных показаниях свидетельствуют об этом. Так, старица Анна Алексеевна говорит:

«Раз одна из нас, чередная, по имени Мария, ночью, убираясь, вышла из келии и видит, батюшка Серафим в белом своём балахончике сам начал копать канавку. В испуге, а вместе с тем и с радостью, не помня себя, вбегает она в келию и всем нам это рассказывает. Все мы в неописанной радости бросились на то место и, увидев батюшку, прямо упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли его».

В это же самое время монахиня Евдокия была у батюшки Серафима, и он сказал ей: «Гряди, гряди, матушка, скажи девушкам, пусть сегодня начинают канавку рыть, я был там и сам начал её».

Это святое место всё озарено светом Божией Матери, оно не могло быть без постоянного её попечения. Вот как сам преподобный Серафим поведал об этом Василию Садовскому. С особым чувством читаются нами эти слова. По-видимому, они записаны с полной точностью и передают самую его манеру говорить:

«Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во, радость-то нам какая, батюшка. Мать-то Божия неизъяснимою благодатию покрыла убогого Серафима.

– Любимый мой, – рекла Препрославленная Владычица Пречистая Дева, – проси чего хочешь.

Слышишь ли, батюшка, какую нам милость явила Царица Небесная».

И угодник Божий весь так и просветлел, так и сиял от восторга.

«А убогий-то Серафим, – продолжал батюшка, – Серафим-то убогий и умолил Мать-то Божию о сиротах своих, батюшка. И просил, чтобы все, все в Серафимовской-то пустыни спаслись бы сиротки, батюшка. И обещала Мать Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка».

Так вот, вот что соблазняло саровских монахов. Почему же соблазняло сие? И каков был внутренний смысл и основание этого

соблазна?

Каждый человек другого мерит на свой аршин. Люди, наблюдая жизнь постороннего человека, почти всегда судят его не за те или иные поступки, а за те внутренние побуждения, которые они за ними предполагают, а предположения этих внутренних движений зависят от того, на что мы способны сами.

Человеку, который полон самолюбия, всегда будет казаться, что и другой делает всё, побуждаемый самолюбием. Человек, поработанный страстями, будет всегда думать, что действиями другого человека руководят грязные страсти. И так всегда и во всём.

Вот эта именно аршинная мерка, применённая к непостижимейшим, благодатнейшим отношениям, и была причиной соблазна.

Ведь судили те, кто не стоял на камне тысячу ночей. Ведь судили те, которые не питались три года сниткой, судили те, которые не 40 лет подвизались, как преподобный Серафим, в затворе и молчании.

Как же по немощи человеческой было им не соблазниться от этих странных и непонятных отношений.

Вот когда преподобный Серафим прославлен, когда вся его жизнь освещена солнцем правды, тогда для нас легче понять, в чём здесь дело. А дело здесь вот в чём: дивеевские сёстры в преподобном Серафиме видели воплощённым в живой действительности то, о чём тоскует, к чему стремится человеческая душа. Они через него ощутили истинный дух Божией Матери, они нашли то, к чему рвётся из грешной мирской жизни человеческая душа, где она не находит удовлетворения и только опалает крылья свои, летит, как на огонь, на призрак истины и вместо истины находит обман и разочарование.

Здесь они получили лучшее, что есть в жизни. То, что лишь мелькает в миру, вдруг здесь, очищенное, просветлённое, дающее полное удовлетворение человеческой душе, стало перед ними воочию, и естественно, что они всем сердцем отдались этому.

Отсюда их необычайная, благоговейнейшая любовь к преподобному Серафиму.

А он? Почему он так радостно принимал их к себе? Да потому, что их души открывались ему; он, прозорливый, не мог не видеть, какие у них сердца, как они на него смотрят, что они от него ждут. И естественно, что он отдавал им то, что не могли, не хотели принять саровские монахи. Вот почему создались такие отношения, вот почему благословила их Пречистая Мать Божия.

Аминь.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Мы верим во святых угодников Божиих. Мы верим, что при жизни своей подвигами и трудами своими по благодати Божией они получили великие дары Духа Святого. Мы верим, что Господь Бог слышит молитвы святых, и верим, что наши молитвы через них доходят к Господу. Если Господу угодно по неисповедимым для нас тайнам творить Свою святую волю и воздействовать благодатною Своею силою даже через предметы вещественные, то тем более святая душа человеческая может и воистину являться тем орудием в руках Божиих, через которое Он посылает людям многочисленные Свои и великие милости.

Жизнь преподобного Серафима была преисполнена великих даров Духа Святого по преимуществу в последний период его жизни, когда после с лишком 40-летних подвигов он вышел на путь своего общественного служения, получив на сие непосредственное указание и благословение от Самой Божией Матери.

В этот последний период после затвора преподобный Серафим изменил и свой образ жизни, и свой внешний вид.

Пищу он вкушал в день однажды, во сне был крайне воздержан и спал, сидя на полу, прислонившись к стене, а иногда кладя голову или на поленья, или на камни, а часто ложился на мешки с кирпичами, которые находились в его келии. Одевался в подрясник из черного толстого сукна, летом накидывал белый балахон, а зимой носил шубу и рукавицы. От дождя надевал полумантию, сделанную из цельной кожи, с вырезом поверх одежды, подпоясывался белым, всегда чистым полотенцем и носил медный крест.

На монастырскую работу выходил в лаптях, зимой в бахилах, а идя в церковь к богослужению, надевал кожаную полумантию. На голове зимой и летом носил камилавку.

Какие были побуждения у преподобного Серафима одеваться не так, как требовал монастырский порядок, мы не знаем. Здесь есть как бы некая черта юродства, но мы знаем только одно, что преподобный Серафим мог делать так, как считал нужным. Ведь за этими бахилами, за этим полотенцем, за этим медным крестом на груди стояли 40 лет подвигов. Если бы какой-нибудь иеромонах вздумал бы одеться так, это был бы соблазн, ему этого нельзя, а преподобному Серафиму можно.

Но когда жил преподобный Серафим, были смущавшиеся всем, что

выходило из ряда обыкновенного в жизни и внешнем облике преподобного Серафима.

Один богатый человек, посетивший преподобного Серафима и видя его убогую одежду, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь?» И преподобный Серафим ответил так: «Иоасаф-царевич данную ему пустынною Варлаамом мантию счёл выше и дороже царской багряницы».

В эти годы к преподобному Серафиму народу шло великое множество, дожидаясь его и в монастыре, и около келии, и на дороге, когда он шёл, и в пустыни – весь Саров был полон стекавшимися к нему.

Чтобы сократить для себя необходимость видеть такое множество людей, преподобный Серафим хотел причащаться в келии своей и некоторое время и по окончании затвора так именно и делал – Святые Дары приносили ему после Литургии в келию.

Об этом причащении преподобного Серафима в келии надлежит прочесть несколько слов, написанных не какой-нибудь полуграмотной старухой, а известным писателем и педагогом Неверовым, который в детстве и в ранней своей юности видел преподобного Серафима и дожил почти до нашего времени. Родился он в 1810 г., а скончался в 1892 г. и в 70-х годах опубликовал свои воспоминания о том, как он в Сарове видел преподобного Серафима в келии:

«Когда мы отправились к нему вслед за священником с Дарами, я протеснился вперёд к старцу. По обыкновению, он стоял на коленях на пороге своей келии, и сверх монашеской мантии на нём была епитрахиль.

Когда приблизился священник и передал ему Чашу, он, благоговейно приняв её в руки, начал громко читать причастную молитву: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз». При этом он преклонил голову, держа Чашу над головой. Затем, приподнявшись, прочёл: «Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя...» Всё это с таким убеждением и с таким восторженным умилением, что и я невольно преклонил колена. С тех пор я всякий раз, когда бывал в Сарове, старался как можно ближе становиться к Серафиму, чтобы не только слышать, но и видеть, как он произносит причастную молитву, и любоваться его глубоко вдохновенной наружностью, следить за каждым его движением, что всё производило на меня неотразимое впечатление. Даже до сей поры, подходя к причастию и повторяя за священником слова причастной молитвы, я вижу перед собой величественный образ старца с Чашей в руках».

И вот причащение преподобного Серафима в келии тоже вызвало соблазн. Почему причащается не как все?

Забывалось этими «всеми», что вся жизнь его была не такова, как у всех. Что он постился не как все, что он молился не как все, не как все был в затворе, в молчании...

И вот игумен Нифонт довёл до сведения соответствующих властей об этом «непорядке».

Преподобному Серафиму был от епископа Тамбовского указ, чтобы он прекратил причащение в келии и причащался как все.

Было очень много попыток самых благонамеренных, из самых лучших побуждений затушевать истинное отношение братии саровской, и наипаче игумена Нифонта, к преподобному Серафиму, но это делать совершенно не нужно, ибо во имя истины и правильного понимания того, каким путём земным шёл преподобный Серафим, надлежит правильно представлять себе те внешние обстоятельства, в которых протекала его подвижническая жизнь.

Житие преподобного Серафима даёт яркое свидетельство недоброжелательства игумена Нифонта к преподобному Серафиму. Но вот документ, показывающий, что именно так и понимали эти отношения современники. Это письмо митрополита Филарета.

Митрополит Филарет был величайшим почитателем преподобного Серафима вместе с наместником Троице-Сергиевой Лавры о. Антонием, который сподобился на себе испытать силу прозорливости преподобного Серафима. Они задумали в 1840 г. опубликовать жизнеописание старца Серафима. Это намерение встретило решительное противодействие со стороны Святейшего синода, главным противником в Синоде был митрополит Иона. Сообщая об этом Антонию, митрополит Филарет пишет: «Наверное, уже игумен Нифонт успел сообщить о Серафиме свои недобрые мысли».

Эта фраза из письма митрополита Филарета не оставляет никаких сомнений в действительных отношениях игумена к преподобному, но на деле всё это по милости Божией привело лишь к вящему прославлению преподобного Серафима.

Так и это запрещение причащаться в келии, как бы силою заставив преподобного Серафима выйти для причащения Святых Тайн в храм, увеличило его путь славы, создало торжественное его шествие из храма в келию после причащения.

С каждым днём народу стекалось всё больше. Дошло до того, что ежедневно к преподобному Серафиму приходило до двух тысяч человек.

Нифонт говорил: «Когда отец Серафим жил в пустыни, то закрыл все входы к себе деревьями от того, чтобы не ходили, а теперь стал принимать всех так, что мне до полуночи нет возможности закрыть ворота монастырские».

Велики были те дары Святого Духа, которые так привлекали к нему народную душу: он имел дар прозорливости, дар исцеления, дар разума, дар утешения и дар пророчества.

Невозможно передать все случаи проявления его даров, возьмём некоторые примеры. Сестра Дивеевской обители (Е. М. З.) была в миру замужем и до своего пострижения в монашество приехала в Саров замужней женщиной. Ей захотелось испытать преподобного Серафима – правда ли, что он всё знает. И, скрыв от него, что она замужем, она обратилась к нему с таким вопросом: «Батюшка, благословите меня поступить в Дивеевскую обитель для спасения души».

И услышала неожиданный ответ: «Нет, матушка, погоди, сперва поживи с мужем, а когда он умрёт, тогда ещё десять лет потрудись для своих церквей просфорней, и мужа-то тогда избавишь ты от муки».

Она возразила: «Ещё неизвестно, батюшка, кто из нас прежде умрёт: муж мой или я».

«Нет, матушка, – отвечал преподобный, – муж твой годика через три умрёт».

Ушла эта женщина, всё же не убедившись в прозорливости преподобного Серафима, смущённая и неудовлетворённая. Потом, через много лет, она свидетельствует о том, как всё это чудесным образом сбылось: умер её муж через три года, она должна была некоторое время быть просфорней в храме, а потом, после тяжких испытаний, она и была приведена Господом в Дивеево.

А вот рассказ архимандрита Арсения, возобновителя Святогорской Успенской пустыни. Он шёл к преподобному Серафиму со смущённым сердцем, у него был очень сложный внутренний вопрос: идти ли ему в Соловецкий монастырь или оставаться со своей семьёй? Сложность этого вопроса проистекала оттого, что он легкомысленно дал обет постричься в монахи в Соловецкой обители и в то же время не был подготовлен к разрыву с любимой своей семьёй.

«Переступил я порог келии старца, – рассказывает архимандрит Арсений, – и нашёл его в сенях, лежащего на полу, одетого в нагольный овчинный тулуп и держащего в руках пшеничный калач с видом, как будто он его ест. Я поклонился, стоя перед ним молча, не задавая ему никаких вопросов, и только мысленно просил по данной ему благодати разрешить

мне недоумения мои к пользе душевной: идти ли мне в Соловки и там остаться или же возвратиться домой. Старец приподнялся, взглянул на меня пристально, махнул рукой, говоря: «Иди, иди, а потам назад неволею» – и больше не сказал ни слова».

Этот будущий иеромонах отправился, как выяснилось потом, на Соловки, а через год так сложились внешние обстоятельства, что ему насильно пришлось отправиться с Соловков назад, к своей семье.

Вот ещё свидетельство одного иеромонаха.

Из Саровской пустыни в Казанскую епархию был вызван один иеромонах. Он пришёл к преподобному Серафиму, чтобы взять у него благословение на этот далекий путь. Он нашёл преподобного Серафима в лесу: он делал гряды для своего огорода. Монах к нему подходит молча. Серафим спрашивает его: «Ты куда едешь?» – «Вызывают в Казань». – «С тобою обман, батюшка, не ходи в Макарьевскую пустынь». – «Меня, батюшка отец Серафим, вызывают не в Макарьевскую, а в Р-кую пустынь». – А отец Серафим продолжает своё: «Я тебе говорю, не ходи в Макарьевскую». Подумавши ещё намного, промолвил: «Ну, поживи вне Сарова несколько, опять к нам приедешь и умрёшь в богоспасаемой Саровской пустыни».

Потом, благословив, старец отпустил его с миром. И вот когда этот иеромонах уехал в Казань, то выяснилось, что произошла ошибка, что он действительно назначен был не в Р-кую пустынь, а в Макарьевскую, как и сказал ему преподобный Серафим. И, памятуя слова преподобного, он отказался от этого назначения и, прожив некоторое время вне Сарова, вновь вернулся туда.

А вот что произошло с тем Антонием, которому писал своё письмо митрополит Филарет. Он был тогда строителем Высокогорской пустыни и приехал к преподобному Серафиму в страшном унынии: его преследовали мысли о кончине. Ему всё время казалось, когда он входил в храм, что он входит туда последний раз. Всё время ему думалось, что вот-вот он должен умереть. И он приехал душевно разбитый к преподобному Серафиму, чтобы он ему прямо сказал, скоро ли его кончина. Приехал Антоний и ждал, когда придёт преподобный Серафим, которого не было в это время в келии.

Братия его окружила, говорила о преподобном Серафиме и вдруг, слышит он, говорят: «Отец Серафим идёт».

Шёл он в обыкновенной своей одежде, с мешком за плечами, опираясь на топорик. Антоний подошёл и поклонился ему. «Что ты?» – спросил его отец Серафим. «К вам, батюшка, со скорбной душою», –

ответил Антоний. «Пойдём, пойдём, радость моя, в келию».

Антоний в келии стал умолять преподобного Серафима, чтобы тот открыл ему тайну его кончины, что это нужно ему для спасения его души, что если действительно он должен скоро умереть, то он тогда уже все силы, какие только у него есть, положит на то, чтобы достойно приготовиться к смерти.

«Не так ты думаешь, радость моя, – вдруг говорит ему преподобный Серафим, – Промысл Божий вверяет тебе обширную лавру». Антоний подумал, что преподобный утешает его как человека, находящегося в душевном смятении: «Батюшка, это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов, скажите прямо о моей кончине». А преподобный Серафим повторяет: «Неверны твои помыслы. Промысл Божий вверяет тебе обширную лавру». И стал просить Антония, чтобы он, когда будет в этой лавре, милостиво принимал саровских иноков. «Теперь, – говорит, – гряди во имя Господне, тебя ждут».

Не успел Антоний выйти из келии Серафима, как встретил посланного от игумена Нифонта, который звал поскорее Антония к себе. Антоний уходил совершенно не успокоенным. Так он и остался при своём мнении, что о. Серафим сказал ему просто несколько ласковых слов, чтобы рассеять его мрачные мысли и этим успокоить его. Прошло несколько месяцев. В Троице-Сергиевой Лавре умирает наместник. И вдруг Антоний получает от митрополита Филарета указ о том, что он назначается наместником Троице-Сергиевой Лавры.

Прозорливость преподобного Серафима была не просто раскрытием будущего и неизвестного – она была исполнена действенной, благодатной силы. Эта прозорливость иногда перерождала человеческую душу, ибо она была не личным его, человеческим свойством, а благодатною силою Божией, даром Духа Святого.

Вот как рассказывается об одном горделивом генерале, который приехал в Саров. Когда один человек, живший уже в Сарове и видевший преподобного Серафима, стал уговаривать этого генерала сходить к преподобному Серафиму, тот долго не хотел. Ему казалось, что это ниже его генеральского достоинства – идти к какому-то старцу, который его не зовёт, который его не встречает. Ему, по-земному привыкшему к почестям, украшенному многочисленными орденами, всё это казалось несообразным. Но в конце концов он послушался уговоров и вместе со знакомым своим приблизился к келии. Каково же было его удивление, когда преподобный Серафим встретил его земным поклоном, а потом ввёл в келию и затворил дверь. Через некоторое время оставшийся ожидать

знакомый услышал страшные рыдания в келии, потом отворилась дверь, вышел генерал. Его под руки поддерживал преподобный Серафим. Генерал закрывал лицо своё руками и плакал навзрыд.

Генерал впоследствии сказал своему знакомому, что он такого дара прозорливости и такой силы, благодатно действующей на совесть человеческую, даже не мог себе представить.

Житие так характеризует это благодатное действие слов преподобного Серафима: «Беседы его открывали сердца, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердца других, разливали в них мир и тишину».

Всё ныне рассмотренное нас научает на примерах жизни преподобного Серафима твёрдо, неустанно идти дорогою спасения. Мы, грешные, простые смертные, не имеем таких благодатных даров, мы не имеем таких великих подвигов. И тем не менее, всякий человек, встающий хоть сколько-нибудь на путь жизни духовной, имеет перед своими очами, как указующий маяк, образ и жизнь преподобного Серафима. Встречает ли человек на этом духовном пути внешние препятствия, как встречал преподобный Серафим уже в Саровской пустыни, пусть он, памятуя жизнь преподобного, научается терпеливо и неустанно идти по той дороге спасения, на которую сознательно встал. Если он встречает, подобно преподобному Серафиму, препятствия внутренние – человеческую клевету и неправду, которую на себе испытал преподобный Серафим, пусть он знает, что на это нужно отвечать так, как научил преподобный Серафим: не опровергать, не бороться, а только всё больше трудиться для Господа, и время покажет, где истина, как оно показало и в жизни преподобного Серафима. И когда будет человек изнемогать в этих внутренних своих борениях, пусть он вспомнит, как боролся со страстями преподобный Серафим.

И так во всём и всегда. Имея перед своими очами этот пример, ты научишься терпеливо, смиренно, неотступно идти дорогою спасения.

Не дерзай думать, что ты достигаешь какой-то высоты, но то, чего достиг преподобный Серафим своей великой подвижнической жизнью, благодатным светом осветит и твой жизненный путь.

Аминь.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Преподобный Серафим Саровский был чудотворцем ещё при жизни своей. Чудо, как все истины веры, не доказывается разумом, это не математическая задача, не научный вопрос, логика и аргументы не имеют здесь такого значения. Истины веры утверждаются на иных, высших основаниях.

Если неверующий человек встречается в жизни своей с явным проявлением непосредственной Божественной силы, он не примет «чуда», его разум всегда найдёт путь для того, чтобы оправдать своё неверие. Вот почему важно и разум расположить к принятию веры. Вот почему не бесполезны и некоторые размышления о существовании того, что именуется чудом.

Чудо – это есть непосредственное действие Божественной силы, иногда временно приостанавливающей или изменяющей обычные законы естества.

Для человека, верующего в Бога, ясна и несомненна вера в чудо, и если иногда человек говорит, что он в Бога верует и в то же время решительно отвергает чудеса, это лишь какое-то страшное внутреннее недоразумение. Для всякого, для кого жив Господь, естественно живое, непосредственное воздействие Его на нашу жизнь и законы естества. И если для нас, верующих в Бога, самое устройство мира и самые законы, по которым совершается эта естественно-природная жизнь, есть творческое создание воли Господней, то так просто принять, что та же Высшая Сила, Которая создала законы природы, в любой момент может приостановить их действие и непосредственно Своею Божественною силою изменить ход естественно-природных законов. Но всмотримся в эти законы. Что видим мы в природе?

Там одна меньшая сила преодолевается высшею силою того же порядка. Сила притяжения заставляет камень лежать неподвижно, но силой человеческой руки он может быть оторгнут от земли и брошен вверх. Здесь преодолевается в некий момент меньшая сила силой большей.

Так же для верующего разума совершенно понятно, что может быть момент, когда Божественная Сила, создавшая и содержащая всю вселенную, приостанавливая обычные законы бытия, действует непосредственно на нашу жизнь как высшая сила. Пусть человек посмотрит на свою собственную жизнь и на окружающие его явления – он

усмотрит подтверждение этой истины. Об этой же истине свидетельствует и жизнь преподобного Серафима.

Это не есть жизнь обычного человека, это жизнь человека, который рождается раз в столетие, один из сотен миллионов людей, угодник Божий, которого Господь избрал за его великие труды и великое смирение как бы проводником Божественной благодатной силы, непосредственно действующей на людей.

В прошлый раз видели мы благодатный дар его прозорливости, ныне мы увидим великий благодатный дар его исцелений.

Мы приведём лишь очень немногое.

Игуменья Слободского монастыря Вятской епархии была больна водяной болезнью. Отправилась она к преподобному Серафиму – к старцу Серафиму, как звали его тогда, – для того, чтобы испросить у него молитв об исцелении, ибо молва по всей Руси тогда шла об исцелениях старца Серафима в Сарове. И в этом рассказе, так же как и во многих других, для нас драгоценным является не только самое это изложение события исцеления, но и те подробности, вся внешняя обстановка его, ибо они как бы воскрешают перед нами живую действительность.

«После ранней обедни в назначенное время вошли мы, – рассказывает она, – в келейные сени старца. Я увидела здесь среди множества посетителей одного человека, горько плачущего: отец Серафим за что-то сделал ему строгий выговор, и когда тот хотел что-то дать старцу, отец Серафим ответил: «Теперь не приму, теперь не приму»».

Услышав эти слова «не приму», будущая игуменья была крайне смущена, потому что она хотела тоже нечто передать старцу. «Тогда Серафим вдруг раздвинул толпу посетителей, с улыбкой подошёл ко мне, – говорит она, – и молча протянул руку. От радости и удивления не зная, что делать, я поспешно подала ему полотенце. Он трижды утерся им и сказал: «Иди, радость моя, за мной». Проведя в келию, благословил меня, дал просфоры, со святой водой и сказал: «Завтра мы с тобой увидимся»».

По возвращении в гостиницу Пульхерия почувствовала себя страшно нездоровой: болезнь, которая будто бы затихла во время путешествия в Саров, с необычайной силой возобновилась. Здесь как бы происходило некое испытание её веры. На другой день после ранней обедни преподобный Серафим ушёл в пустынь. Эта больная женщина в сопровождении тех, кто был с нею, должна была идти туда. Она еле двигалась, около келии простояла около часа. Наконец вышел о. Серафим: он был в полумантии, с зажжённой свечой в руках и начал благословлять всех подходящих к нему по очереди.

«После всех подошла и я к нему. Он, взглянув на меня, сказал: «Ты, матушка, нездорова», – и, благословляя, продолжал: «Пойди, умойся в ключе и напейся, и будешь здорова».

Я ответила ему: «Я уже пила, бабушка, и умывалась, когда пришла сюда».

Серафим повторил: «Возьми, матушка, воды из ключа, пей и умойся. Апостолы Христовы исцелят тебя, и будешь здорова».

Когда же я сказала ему, что у меня нет ничего, во что взять воды, то он вынес из своей келии небольшой кувшинчик и повторил, отдавая мне, прежние слова».

Всё это исполнила с верою и смирением раба Божия Пульхерия и сейчас же, по свидетельству её, стала здоровою.

Почему для совершения чуда требуется то или иное внешнее действие – это для нас такая же тайна, как и всё, что связано с таинственными соединениями внутреннего, духовного, невидимого с вещественным, видимым. Как исцеления через иконы, через изображения Божией Матери, как священнодействие, таинства. Почему преподобный Серафим не непосредственно попросил Господа Бога об исцелении Пульхерии, а велел ей произвести несколько внешних действий, мы этого не знаем, но мы знаем, что преподобный Серафим не всегда в одной и той же форме совершал свои исцеления, были и непосредственные его обращения к Богу для исцеления болящих.

Вот старица Феодосия Васильевна сообщает следующее: «Страдая падучей болезнью, пришла я к бабушке Серафиму, а он и говорит мне: «Ступай, радость моя, в Дивеево рыть канаву. Эту канаву Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда антихрист придёт, то канавка эта не допустит его туда». – «Бабушка, – говорю я ему – ведь я больна вот так-то и так-то». Выслушав меня, взял он меня за плечи и, нагнув голову мою, прочитал молитву. Тут же сразу я почувствовала себя здоровой».

Не только об исцелениях через некоторые внешние действия или по молитве преподобного над болящими свидетельствуют современники, мы знаем и об исцелениях его заочных.

В 1829 г. заболела жена Алексия Гурьевича Воротилова. Воротилов отправился в Саров. Приехал туда он ночью и так был страшно встревожен за жизнь своей жены, что пошёл к о. Серафиму, несмотря на этот поздний час. Отец Серафим как будто его ждал. Он сидел на крыльце келии и, когда Воротилов подошёл к нему, встретил его такими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму-то?»

Воротилов стал со слезами ему рассказывать причину поспешного прибытия в Саров, но Серафим, к величайшей его скорби, ответил ему, что жена его должна умереть. Тогда Воротилов, обливаясь потоками слёз, припал к ногам преподобного Серафима и стал умолять его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. И вот старец Серафим погрузился в молитву. Молился он без слов, молился минут десять, по свидетельству Воротилова, который всё время лежал у ног его. Помолвившись, сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь, гряди с миром в дом твой».

Воротилов возвратился домой и здесь узнал, что именно в этот момент в эту ночь выздоровела его жена.

Были случаи при жизни преподобного Серафима, когда являлись особые видения, направляющие болящих к нему.

Александра Лебедева рассказывает, что она была больна, при смерти. Лечили многие врачи и в конце концов должны были сказать родным, что она безнадежна.

20 мая 1827 г. ночью видит больная, что входит к ней какая-то незнакомая старая женщина среднего роста, белокурая, круглолицая, с закрытыми глазами, босиком, вся запылённая, и говорит ей: «Что ты лежишь и не ищешь себе врача?» Больная осенила себя крестным знаменем – ей подумалось, что она видит какую-то нечистую силу, – и стала читать «Да воскреснет Бог...». Тогда эта женщина говорит: «Ты не бойся меня, я тебе желаю добра, молитву эту я люблю и радуюсь, [если] кто читает её». Тогда больная спросила: «Кто же ты, не с того ли света и не видела ли там моего мальчика?» Женщина ответила: «Видела, он на тебя гневается; впрочем, о нём нет нужды говорить, а надобно подумать о себе: что ты не заботишься об исцелении?» Больная сказала ей: «Много было у меня врачей, но ни один не мог помочь мне». На это женщина ответила: «Я найду тебе верного врача, который уже давно желает исцелить тебя, он нарочно просил меня сходить к тебе. Спешу в Саровскую пустынь к отцу Серафиму, он тебе может помочь».

«Коль скоро вошли мы в келию отца Серафима, я вырвалась из рук тех, кто держал меня, с необыкновенной силой и бросилась к ногам отца Серафима». Тогда старец покрыл её своею епитрахилью и прочитал над ней молитву, а потом, взяв её обеими руками за голову, несколько приподнял. Больная ощутила в это время, что как будто кто-то с шумом сдернул с неё шубу, и почувствовала себя так, как бывает после сильного угара. Потом дал святой воды и антидор, велел приложиться к кресту, который висел у него на груди, и к стоящей на столе иконе Божией

Матери и сказал: «Вот твоя Заступница. Она ходатайствовала о тебе перед Богом». Больная выздоровела совершенно.

После смерти преподобного Серафима записано множество чудес, совершённых по молитве его. Из этого множества мы берём только один случай, засвидетельствованный иеромонахом Серафимом, впоследствии Святогорцем, в схиме Сергием. В своих келейных записках он передаёт следующее.

«В 1849 г. при моём отъезде из Вятки я заболел. Болезнь моя была убийственна: не думал я, что останусь жив, потому что враг сильно восстал на меня. Никакие средства не помогали. Я отчаялся. Только в первый вечер 50-го года вдруг как будто кто-то тихо говорит мне: «Завтра день кончины отца Серафима, саровского старца, отслужи по нему заупокойную панихиду, и он тебя исцелит». Это меня сильно утешило. А надо было сказать, что я лично не знал преподобного, но в 38-м году, бывши в Сарове, посещал его пустыньку и с той поры возымел к нему веру и любовь. Эта сердечная привязанность и вера ещё больше утвердились во мне, когда в 1839 г. мне снилось, что я служу молебен преподобному Серафиму и громко воспеваю: «Преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас». Только по шестой песни мне нужно было читать Евангелие преподобного – такое же или другое какое. Вдруг кто-то говорит мне: «Читай от Матфея 36-е зачало». При этих словах таинственного голоса я пробудился. Но обращаюсь к начатому.. Я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нему Литургию и панихиду, и лишь только это сделал, болезнь моя миновала, я почувствовал чрезвычайное спокойствие».

Так свидетельствуют современники о жизни старца Серафима, ныне прославленного преподобного Серафима Саровского и всея России чудотворца. Для нас рассмотрение жития преподобного Серафима утверждает и вновь укрепляет веру нашу в Божественную благодать, действующую через угодников Божиих. Для того чтобы усвоить веру в чудо, так же как и для того, чтобы усвоить вообще истины веры, нужно нравственное усилие, нужен подвиг жизни. Вера наша растёт и крепнет от внутреннего духовного роста, от нашего внутреннего духовного укрепления и очищения.

Немощность веры – это немощность духа, это прямое следствие нашей жизненной нечистоты. Там, где благодать, где чудо, пусть разум наш не торгуется с Господом. Верить в чудо нужно всем сердцем и вполне, здесь не должно быть никакой торговли: дескать, одно может быть, другого не может быть. Если сердце будет открыто для того, чтобы усвоить и принять веру в то, что чудо совершает Господь, тогда не будет

искушать нас земной разум лукавыми сомнениями.

Через веру мы вступаем в особую область бытия, где все законы иные, где законы, действующие в нашем естественно-природном бытии, отменяются, упраздняются, не действуют более, а во всей полноте действует благодатная сила. И если ты через своё верующее сердце вступишь в эту область бытия иного, то тогда ты там уже отдашься без всяких колебаний, без всякой торговли, без всяких сомнений всемогущей Божественной воле Творца.

Прими веру в чудо в сердце твоём, и она совершенно по-новому осветит твою жизнь. Если ты не сподобишься никогда на себе самом испытать чудотворную силу Божию, всё равно эта вера всегда будет тебе сопутствовать; нечто особое будет звучать в твоей душе. Ты будешь чувствовать всегда, что над жизнью естественно-природной, над законами видимого вещественного мира есть Высшая Божественная сила, которая всегда сопутствует жизни человеческой и во всякий момент может приостановить действие естественных законов и сотворить то, что хочет Господь.

Аминь.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Так передаются в Деяниях слова апостолов. Это значит, что на пути к Царствию Божию человеку приходится много пережить.

Источники скорбей многообразны, но главнейшие из них – три. Первая скорбь – от тех внутренних борений, которые предлежат всякому идущему в Царствие Божие. Ни одна человеческая страсть не сдаётся без боя, невидимая внутренняя борьба – процесс мучительный. Вот почему святые отцы эту борьбу называют мученичеством. Второй источник скорби – мирская жизнь. Царство мирское никогда не даёт человеку беспрепятственно идти в Царствие Божие. Мир оспаривает каждое движение человека на пути к Царствию Божию, и этими препятствиями повергает человека во многие скорби, напасти и беды. И наконец, есть скорби особого порядка. Это те скорби, которые прямо посылаются нам Господом как некие испытания, они нами переживаются иной раз по нашему неразумию как страшное несчастье, но внутренний смысл их лежит в заботе Господа о нашем спасении, попечении Его о нашей душе.

Иной раз посылается нам тяжкая нужда, иной раз посылаются нам иные скорби, именуемые на языке человеческого несчастьем, горем, но, посланные от Господа для спасения нашей заблудившейся души, они имеют тот же смысл, который имеют наказания, налагаемые любвеобильными родителями в отношении своих неразумных, испорченных детей. Часто люди изнемогают под тяжестью скорбей, жаждут утешения, поддержки, сочувствия, любви.

Преподобный Серафим Саровский обладал великим даром утешения. Посмотрим, что говорит об этом житие.

Анна Петровна Еропкина была счастливой невестой – богатая, красивая, молодая, любящая и любимая. Всё ей представлялось в будущей её судьбе в радужном свете, по-человечески говоря, она имела все основания к тому, чтобы свою жизнь земную представлять как неизменное и долгое счастье. Но вот однажды она видит во сне, что отец её входит к ней с каким-то старцем, этот старец подошёл к её постели с отцом и сказал: «Напрасно идёт она замуж, много-много два или три месяца проживёт её муж».

В страшном смятении она проснулась, рассказала об этом отцу, постаралась поскорее изгладить это ночное впечатление, и через

несколько времени сыграли свадьбу. Но предсказание сбылось. Через несколько месяцев муж её умер, и умер без причащения. Для людей верующих и для неё это было едва ли не самым страшным в его смерти. А без причащения он умер потому, что жена боялась, позвав священника, испугать мужа мыслью о серьёзности болезни и всё откладывала, всё откладывала. Отправилась она в Саров, не зная, где искать поддержки и утешения в своём безысходном горе. Вот как рассказывает она об этом своём приезде в Саров к старцу Серафиму.

«Я поспешила видеться с отцом Серафимом и получить от него какое-либо облегчение от скорби, сильно тяготившей мою грудь. Торопливо войдя в монастырь, я была поражена необыкновенным зрелищем. Между Успенским собором и противоположным одноэтажным корпусом, точно волны, двигались густые массы народа. Из расспроса других узнаю, что в этом самом корпусе живёт отец Серафим. Вмешиваюсь в толпу народа из всякого пола, возраста и звания, сквозь них пробираюсь к крыльцу, куда и все также стремились, с большим трудом втираюсь в сени и через отворённую дверь проникаю в самую келию отца Серафима. Он чрезвычайно тесно сжат своими почитателями. Я по примеру других старалась приблизиться к нему и протянула ему руку для благословения, не имея возможности всмотреться ему хорошенько в лицо. Он, преподавая мне благословение и сухариков, сказал: «Приобщается раба Божия Анна благодати Божией».

Каково же было тогда моё удивление, когда я в неизвестном месте услышала своё имя, а посмотрев отцу Серафиму в лицо, узнала в нём того самого старца, который, как отец, предостерегал меня во сне от несчастного замужества. Вытесненная в сенцы, я около стенки ощупала ногами несколько поленьев и, приподнявшись на них, стала сквозь дверь через народ пристально смотреть на отца Серафима. Ангельский его вид, кротость в обращении со всеми показывали необыкновенного человека. Я не спускала с него глаз ни на одну минуту, следя за всеми его движениями, и вскоре заметила, что он как будто бы хочет прекратить приём к себе народа, потому что стал всех выпроваживать, говоря с кротостью: «Идите с миром». При этом сам ближе подвигался к отворённой двери, рядом с которой я стояла. Взявшись за скобку двери одной рукой, другой совершенно неожиданно для меня ввёл меня также за руку к себе в келию и, ни о чём не спрашивая, прямо стал говорить мне: «Что, сокровище моё, ты ко мне убогому приехала? Знаю, скорбь твоя очень велика. Господь поможет перенести её».

После этих и других утешительных слов он велел мне отгвоздь у них,

исповедоваться у о. Илариона и приобщиться. Всё это было мною исполнено. Относительно мужа, перед смертью не исповедовавшегося и не приобщившегося Святых Тайн, сказал: «Не сокрушайся об этом, радость моя, не думай, что из этого одного погибнет его душа. Только Бог может судить, кого чем наградить или наказать. Бывает иногда так здесь, на земле, и приобщаются, а у Господа остаются неприобщёнными, другой же хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполнится его желание совершенно от него независимо, такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия».

Чтобы совершенно удалить от меня все мрачные мысли при воспоминании о муже и не [дать] погибнуть мне от уныния и отчаяния, отец Серафим приказал мне по приезде домой в течение 40 дней неопустительно ходить на могилу мужа и говорить: «Благослови меня, господине, мой отче. Прости мне, елико согрешила пред тобою, и тебе Господь Бог простит и разрешит». В течение также 40 дней велел брать из храма Божия от совершающихся служб пепел из кадила и после, выкопав на могиле ямку глубиною четверти две, высыпать в неё пепел и прочесть по три раза «Отче наш», Иисусову молитву, «Богородице Дево, радуйся» и один раз «Символ веры».

Я боялась ехать домой в распутицу, а он сказал: «Радость моя, не бойся ничего, Бог даст тебе дорожку; снежок выпадет ещё на пол-аршина, и ты поедешь лучше, чем приехала, а в Петров пост опять будь здесь».

Всё исполнилось. После этого я как будто совершенно переродилась, в душе моей водворилось такое спокойствие, какого со смертью мужа я никогда не чувствовала».

Вот пример из жизни, описанный простыми правдивыми словами. Скорбь о смерти любимого, близкого человека – самая тяжкая из всех жизненных скорбей. Мы, грешные, всегда стоим перед этой скорбью, беспомощные, не зная, как и чем утешить, что сказать, когда плачут и скорбят люди перед свежей могилой. Да, мы говорим слова утешения, говорим о том, что Господь всё делает как лучше, и всё это мы говорим верно, но всё это мы говорим холодно, и поэтому слова наши не действительны, не утешительны.

Преподобный Серафим, конечно, не доказывал бессмертия души и не говорил никаких отвлечённых истин. В чём же была тайна могущественного действия его слова?

Это тайна благодати, тайна Духа Святого, то, что делает самые простые слова чудотворными для души нашей.

Перед нами другой пример, скорбь иного порядка. Она касается

некоего состояния души, которое воистину многих повергает в отчаяние. Речь идёт о человеческой душе, охваченной хульными помыслами, доведённой до страшно угнетённого состояния. В 1831 г., 18 июня, в Сарове пришли к отцу Серафиму И. М. К и жена его Ю. П.

«Мы нашли старца в работе, он разбивал грядку мотыгой, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руку, прочитал тропарь «Успения Божией Матери»: «В рождестве девство сохранила еси...» Потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали перед ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа, но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнью. Во всё продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую небесную сладость, Бог весть каким образом туда перелившуюся, которую нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слёз умиления и без ощущения живейшей радости во всём моём составе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего; для меня в духовном мире всё было совершенно безразлично, и я был ко всему одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущество Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту холодность в душе моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, Правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доньше не могу вспомнить без особенного ужаса, целых три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки по суду земному недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за моё богохуление. Но отец Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши со свойственной ему неизъяснимо радостной улыбкой, чтобы я не боялся этого шума мысленного, что это действие врага по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли. С тех пор действительно этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и менее чем за месяц совершенно прекратился».

Доказывал ли преподобный Серафим бытие Божие?

Как же он дал почувствовать это? Это делается не умением, не

красноречием, а благодатным даром утешения, который дал силы преподобному Серафиму утешить и эту душу, охваченную унынием, доведённую до отчаяния, измученную страшным испытанием – хульными помыслами.

Ещё один пример – скорбь, доводящая до уныния от сознания тяжести содеянных грехов. Враг нашего спасения умудряется самое доброе так повернуть, чтобы оно оказалось губительным для дела спасения нашего. Так и покаяние, так и сознание греха своего. Как велико значение искреннего глубокого раскаяния, и в то же время покаяние может перейти какую-то грань, какую-то внутреннюю черту, за которой оно грозит человеку отчаянием, тогда не столько требуется строгость, сколько вот этот драгоценнейший, благодатнейший дар утешения.

С благоговением и страхом рассказывает Е. Н. П.:

«Чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своём желании исповедоваться у него, говоря: «Святой отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он отвечал: «Извольте, матушка», – потом вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, остави, прости ми согрешения моя, елико Ти согреших». Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени, и он встал также на колени подле меня и во всё время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска он дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего». Я была вне себя от радости и целовала его руки».

Вот как спасают грешников духовники, исполненные благодати Божией, вот как утешают грешную, до отчаяния дошедшую душу.

Преподобный Серафим Саровский – прославленный святой. Он продолжает пребывать своим духом среди нас. Он по-прежнему исцеляет нас, утешает и предстательствует в молитве.

Святая Церковь нам преподаёт всё то, что потребно для нашего спасения, да мы-то не берём, мы-то не хотим сего взять. Рассказывает нам Святая Церковь истины веры, а мы всячески упираемся нашим разумом, чтобы не принять их. Святая Церковь научает нас праведной жизни – мы всячески упорствуем, дабы её отвергнуть. Святая Церковь преподаёт нам дары Святого Духа – мы предпочитаем жить по своей воле.

Угодники Божии, подобно преподобному Серафиму, являются теми служителями Господа, которые помогают нам встать на путь жизни

церковной. Они научают нас истинам веры, истинной жизни и являются для нас проводниками Божественной благодати.

Аминь.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Можно жить без Бога, но как без Бога умирать? Можно жить без Бога, потому что можно заполнить жизнь пустыми переживаниями, заботами и суетой, но как умирать без Бога? Здесь не помогает мирская суета, которой человек заполнял свою пустоту. Всё кончено здесь, всё мирское отошло, изжито, и здесь остаётся лишь душа сама с собой. Как же будем умирать без Бога?

Страшно подумать о том, что должен переживать безбожник хотя бы в последний час отделения души человеческой от тела. И напротив, какую должна быть блаженною кончина людей не только верующих, но и живущих в Боге. Можно сказать, что как человек жил, так он и умирает; в смысле своих предсмертных душевных состояний – это есть итог всего пройденного жизненного пути.

И вот, когда мы теперь подходим к последним дням жизни преподобного Серафима и к самой его кончине, нам невольно приходят на ум все эти мысли. Нам видится в блаженных этих днях и самой кончине его собранная воедино вся праведная, вся святая, вся великая и блаженная его жизнь.

Преподобный Серафим, как и многие святые угодники, задолго до своей кончины уже знал о том, что близится его смертный час. Так, в беседе с сестрой Прасковьей Ивановной – беседе, которая была в лесу, в ближней пустыни, – он и выразил это своё предвидение. Он благословил сестру Параскеву, стал на обрубок дерева и, говоря с нею, пришёл в необыкновенный восторг, он поднял руки к небу и говорил: «Какая радость, какой восторг объёмлет душу праведника, когда по разлучении с телом её встречают Ангелы и представляют пред лице Божие!» И спрашивал: «Понимаешь ли ты меня?»

Но сестра Параскева не понимала, что он говорит о своей кончине. Тогда преподобный Серафим вновь сказал ей: «Я силами ослабеваю, живите теперь одни, оставляю вас».

Сестра Параскева подумала, что он хочет укрыться в затвор, но он, прозревая её мысли, ответил: «Искал я вам матери, искал и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». И потом прямо сказал о своей кончине. Она с рыданиями бросилась к нему в ноги и стала плакать и жаловаться на свою скорбь. Но он утешил её словами, исполненными благодатной любви, и

подтвердил, что скоро его кончина.

За полгода до смерти многие приходившие к нему слышали от него: «Мы не увидимся больше с вами». И когда просили разрешения приехать ещё, он говорил: «Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите».

А братии монастырской он сказал в это время: «Жизнь моя сокращается, братия, духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мёртв».

И вот за неделю до своей кончины преподобный Серафим неожиданно явился к Литургии, которую совершал игумен Нифонт. Он причастился за этой Литургией Святых Тайн, потом о чём-то беседовал с игуменом Нифонтом, и известно, что в этой беседе просил, что когда он умрёт, чтобы его положили в тот гроб, который стоял у него в келии, попрощался и, придя в келию, о. Иакову вручил образ преподобного Сергия, изображавший явление Сергию Богоматери, и сказал: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу».

1 января 1833 г., в воскресный день, преподобный Серафим пришёл в последний раз в церковь Зосимы и Савватия, он сам поставил свечи ко всем иконам и причастился со всей братией, всех благословил, поцеловал и сказал им как бы в утешение: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Нынешний день нам венцы готовятся».

Затем приложился к Распятию и образу Божией Матери. После Литургии к преподобному Серафиму пришёл в келию иеромонах Феоктист, приехавший из Высокогорской пустыни, побеседовал с преподобным Серафимом, и вдруг тот ему говорит: «Ты уже отслужи здесь». А Феоктист спешил, ему некогда было остаться и служить в Сарове. Тогда преподобный Серафим подумал и сказал: «Ну так ты в Дивееве отслужишь».

И воистину в Дивееве застигла его весть о кончине в Сарове преподобного Серафима. Как же совершилась эта кончина? Рядом с келией преподобного Серафима жил монах Павел. Когда преподобный Серафим уходил в свою пустынь, он обычно не тушил свечей, и Павлу всегда казалось, что это неосторожно, что легко может случиться пожар. Не раз он говорил об этом преподобному Серафиму. Преподобный Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет, а когда умру я, кончина моя откроется пожаром».

1 января монах Павел, собравшийся идти к ранней Литургии, почувствовал запах дыма. Он слышал ночью, что несколько раз преподобный Серафим выходил из келии на то место, которое было приготовлено для его погребения. Вечером слышал, как преподобный

Серафим в своей келии пел священные песнопения Пасхального канона: «Воскресение Христово видевшие», «Светися, светися, Новый Иерусалиме», «О Пасха веляя и священнойшая, Христе».

Почувствовав запах дыма, Павел стал стучать в келию преподобного Серафима, ничего не подозревая, ибо только за несколько часов перед этим слышал голос преподобного Серафима, поющего песнопения. Но ответа никакого не было. Тогда он пошёл сказать братии. Когда вернулся он, один послушник вместе с ним бросился к двери и сорвал крючок; в комнате было полутемно и вследствие дыма нельзя было ничего разобрать. Тогда они вновь бросились к церкви, шла ранняя обедня, и пели «Достойно». Многие братия поспешили к келии преподобного Серафима, зажгли свечи и увидели преподобного, который в своём белом балахоне стоял на коленях перед иконой Божией Матери «Умиление» с открытой головой, с медным распятием на шее и с руками, сложенными крестообразно на груди. Они увидели, что преподобный Серафим почил. Внесли его в соседнюю келию, облачили в монашескую мантию, положили в гроб, и тело преподобного Серафима было поставлено в соборе.

Тысячи народа стали стекаться на поклонение ко гробу. Восемь дней стоял в соборе гроб, где было так душно и жарко от свечей и народа, что тухли свечи, но тело преподобного не подверглось тлению. Преподобный, как живой, принимал последнее прощание и целование. Совершили торжественное погребение и на могиле его водрузили памятник, на котором было написано:

«Под сим знаком погребено тело усопшаго раба Божия иеромонаха Серафима, скончавшагося 1833 года генваря 2-го дня, которые поступил в Саровскую пустынь из курских купцов на 19 году возраста своего, скончался 73 лет. Все дни его посвящены были во славу Господа Бога и в душевное назидание православных христиан, в сердцах коих и ныне о. Серафим живёт».

Так гласила надгробная надпись. Кончилась жизнь преподобного Серафима. Перед нами на беседах наших прошли его труды, его подвиги, мы многое слышали как бы из уст его самого, сказанное по разным поводам людям, обращавшимся к нему. Теперь, в дальнейших беседах, мы коснёмся того драгоценнейшего дара, который он нам оставил в своих поучениях. Но заканчивая благоговейное рассмотрение его святой жизни, нам хочется сказать некое похвальное слово ему. За что ублажаем мы угодника Божия преподобного Серафима?

Ублажаем мы преподобного Серафима за то, что медный крест,

который дала ему мать его, которым она благословила его, он донёс до своей могилы как истинный крест Христов – он не растерял во дни своей юности того, что было ему дано от Господа; осеняемый этим крестом и благословением матери своей, нам явил истинный образ крестоносца. Мы ублажаем его за то, что пустынь Саровскую – эти дебри и леса, это безмолвие и это одиночество – он озарил своим благодатным светом, откуда и до днесь изливается и будет изливаться благодатный свет его. Мы ублажаем его за те великие труды и подвиги, которые будут всегда предлежать нам, немощным и погрязшим в грехах, как некий светоч, освещающий нам путь наших трудов для стяжания Царствия Божия.

Мы ублажаем его за то, что он дал нам истинный образ смирения, незлобия, кротости, послушания, за то, что он стяжал благодатный дар прозорливости и ныне указывает нам многое, что назидает жизнь нашу. Мы ублажаем его за дар утешения, к которому мы и ныне прибегаем, ибо сколько же слёз выплакано у мощей преподобного Серафима!

Мы ублажаем его за дар исцеления, который и ныне изливается на тех, кто с верою молится угоднику Божию, за тот дар исцеления, который мы все чувствуем на наших больных и измождённых душах, когда прибываем сами в Саровскую пустынь.

Мы ублажаем его за эту святую его кончину, в которой мы испытываем не только скорбь, но и радость, которая заставляет нас ликовать и восклицать с преподобным Серафимом: «О Пасха велия и священнейшая, Христе!»

Аминь.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Когда апостолов впервые задержали в Иерусалиме и заточили в темницу, а потом привели в Синедрион, то некто Гамалиил обратился к собранию с речью, в которой говорил: «...явился Февда, выдавая себя за кого-то великого.. и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него.. явился Иуда Галилеянин и увлѣк за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих, и оставьте их; ибо если предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его» (Деян. 5, 36–39).

Сии слова оказались пророческими: дело апостолов, как дело Самого Господа, не было уничтожено, его не могли разрушить ни иудейские, ни языческие гонители. То, что сказал Гамалиил, относится ко всякому делу, относится и к служению каждого отдельного человека: если служение его от Господа, то оно не разрушится, если это нечто подобное Февде или Иуде – оно разрушится само собой.

Действенность святых слов проповеди зависит от благодатной силы Божией. Вот почему можно очень убедительно говорить об истинах веры и никого к вере не привести, если слова эти не будут преисполнены той благодатною силою, которою преисполнены они у людей праведных. Потому мы и чувствуем особую, нас перерождающую силу в словах святых отцов: за ними, за этими словами, написанными некогда и читаемыми ныне, стоит эта благодатная сила Божия. То же самое надо сказать и о поучениях преподобного Серафима, которые ныне принадлежат нам. Когда мы читали житие его, мы чувствовали, что жизнь его была преисполнена действенной благодатной силы, то же будем переживать и при чтении его поучений.

«Бог есть огонь, согревающий и разжигающий сердца и утробы. Итак, если мы ощущаем в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад доброненавистника».

Так говорит преподобный Серафим, так говорит достойно носивший имя «пламенный». Ведь для того, чтобы так подвизаться, как подвизался преподобный Серафим, для того чтобы молиться тысячу дней и ночей, для того чтобы нести такой пост, для того чтобы быть исполненным такого

смирения, – для всего этого нужно, чтобы в сердце постоянно горел пламень огненный. Только испытавший сам этот горящий огонь Божественной благодати в своём сердце мог так именно определить Господа, именуя Его огнём, согревающим и воспламеняющим сердца и утробы, то есть жизнь нашу.

И открывает далее преподобный Серафим, какова внутренняя сущность дьявола – она есть хлад. Когда мы всматриваемся в нашу нелюбовь, в нашу чёрствость, бесчувственность к страданиям ближнего, нашу беззаботность к неудачам другого, разве мы воистину не ощутим, что дьявол хладен есть?

И для того, чтобы этот хлад рассеять в себе, преподобный Серафим учит нас взывать в таких тяжких наших состояниях хладности, взывать Господу, Который огнём Своей благодати изгонит из нас хладного доброненавистника. Это взывание должно быть настойчивым и постоянным.

Как часто с беспомощным и разочарованным чувством спрашивают мучающиеся тем или иным внутренним духовным недостатком: как исправиться? – сознавая, что единого движения воли человеческой для исправления недостаточно.

Действительно, нет такого лекарства, которое можно было бы принять и сразу же изменить внутреннее состояние человека. Но внутренняя жизнь, как нам уясняют это наши святые отцы в своих творениях, имеет некое подобие физической жизни, и здесь тоже, в мире духовном, нужны настойчивость и упражнение, постоянное и частое повторение, нужны труд и терпение. И вот преподобный Серафим указывает нам на то, что нужно не раз в минуту тяжкого душевного состояния, уяснившего нам хладность сердца нашего, воззвать к Господу и нужно всё время и неустанно обращаться к этому огню, чтобы он, сей огонь, теплотою своею прогнал хладность наших сердец.

«Отцы написали, – говорит преподобный Серафим, – когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живёт».

Что значат слова эти? Эти слова обращены к нашему разуму, который часто служит препятствием в деле нашего спасения.

Вера есть высшая способность человеческого духа: она выше разума и утверждает истины более достоверно и непоколебимо, чем наш горделивый разум. И вот, когда у человека является потребность искания веры, это благословляется, по словам преподобного Серафима: «Ищи Господа».

Но когда начнутся от рассудка, от разума суемудрые лукавые

вопросы, которые не могут быть удовлетворены не потому, что истина веры не истина, а потому, что разум человеческий бессилён понять их, тогда лучше не испытуй истин веры своим суемудрым разумом.

«О делах Божиих, – говорит преподобный Серафим, – не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих».

Здесь преподобный Серафим говорит о насыщении чрева, но это относится вообще к плотской жизни. Как нельзя знать тайн Божиих, то есть уяснить истин веры, по насыщении чрева, так и нельзя видеть Господа, живя исключительно потребностями своей плоти. Здесь ответ всем безбожникам, которые думают сказать нечто победоносное, когда говорят, что они Бога не видели. Никогда не видели и никогда не увидят, доколе будут смотреть плотскими очами.

«Ищи Господа, не испытывая», потому что видеть Господа можно только очами духовными. Посему это изречение преподобного Серафима имеет ближайшее отношение к вопросу о посте: здесь ещё и ещё раз утверждается в словах преподобного Серафима необходимость поста в деле духовной жизни.

Мы все по опыту знаем, как легко вести жизнь грешную, как легко отдаваться влечению естественно-природных своих потребностей, и также по опыту знаем, какая отсюда получается злая и нечистая жизнь. И для того, чтобы строить жизнь так, совершенно не требуется никаких подвигов. Но знаем также, как трудно преодолевать эти естественно-природные потребности, которые толкают нас на злую и нечистую жизнь, и знаем, как мы ищем, вставая на путь духовной жизни, за что бы нам ухватиться, где бы нам найти помощь. И вот в этом нашем стремлении строить нашу жизнь на должных основаниях мы и в опыте наших святых отцов и подвижников, и в их убедительнейших словах утверждаемся в необходимости поста.

«Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей».

В этих словах преподобного Серафима кратко определяется та общая настроенность, которая должна быть у человека, любящего Господа. Он как бы отделяется от земных привязанностей, делающих его рабом земного и внешнего бытия. «Когда человек любит Господа, – говорит преподобный Серафим, – ему начинает казаться, что он есть странник на сей земле, он постоянно думает о том, как он придёт к этому любимому им Господу и даст Ему ответ за прожитую здесь жизнь; ему все эти внешние наши условия жизни кажутся не имеющими цены сами по себе; в

постоянном размышлении о близком возможном конце, о своих грехах перед Господом всё ему на земле начинает казаться иначе, чем человеку, ничего кроме земной жизни не признающему; он уподобляется именно страннику, который, проходя через какой-либо город, знает, что он уйдёт из него и никогда не вернётся, что он здесь не постоянный жилец, что он здесь лишь временный путник».

«Человек, принявший на себя проходить путь внутреннего внимания, – говорит преподобный Серафим, – прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости. В уме его всегда должны быть напечатлены сии пророческие слова: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом». Он должен проходить путь сей с крайнею осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае опасаться должно, чтобы не отнеслось к нему сие Божие определение: «Проклят человек, творяй дело Господне с небрежением»... Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских».

Что есть страх Божий? Страх Божий – это есть постоянное памятование о том, что мы живём перед лицом Божиим. Отсюда, естественно, вытекает это внимательное отношение ко всякому сделанному нами шагу: тогда уже нельзя жить, всё время зубоскаля и смеясь, как будто бы жизнь есть действительно какая-то пустая и ненужная шутка. Если есть чувство хождения перед Господом, если есть это чувство благоговейного страха, оно скажется в каждом движении нашей жизни. «Но достигнуть такого состояния страха Божия, – говорит преподобный Серафим, – можно только тогда, когда мы освободимся от забот житейских, когда внутренне освободимся от них. Ибо, если заботы будут первенствовать в нашей душе, занимать первое, главное, центральное место в нашей жизни, то о каком хождении перед Господом, о каком страхе Божиим может быть речь? Если мысль всегда занята тем, как тебе устроиться, если чувство твоё всегда занято земными отношениями, земными впечатлениями, если сердце твоё и душа насыщены вот этой мирской суетой – тогда для страха Божия, для этого возвышенного чувства не останется в душе человеческой места». Вот потому-то далее преподобный Серафим и переходит к вопросу об отречении от мира.

Об этом говорится так:

«Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрёкшись от мира и от всего, что в мире, сосредоточит все свои мысли и чувства в одном представлении о законе Божиим и весь погрузится в созерцание Бога и в

чувство обещанного святым блаженства.. Чтобы достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, и поучаться в законе Его, и всею душой возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.. Мир сей есть область иного, то есть князя века сего».

Когда мы читаем эти слова преподобного Серафима, мы испытываем нечто подобное тому, что пережили, читая избранные места из творений св. Иоанна Лествичника. Нам делается жутко, когда мы видим высоту, которая открывается перед нашими духовными очами; нам становится страшно, что всё это написано не про нас, что мы до такой степени ещё не подготовлены для подобных высоких состояний духа, что только можем почитать о них и поговорить, может быть поплакать, но не можем положить их в основу жизни нашей. Но в этом чувстве скрыто некое искушение: люди богоносные, избранники Божии – вот те, о которых Сама Владычица Божия Матерь сказала: «Сей от рода Нашего», – эти «граждане неба», которые имеют на себе особую печать благодати Божией, – они раскрывали нам сии высоты не для того, чтобы мы только читали и беседовали о них, но чтобы они были теми огнями, которые освещают нам подлинный наш жизненный путь.

Как бы мы далеко в своей собственной жизни ни отстали от этих огней, они всё же нам светят, они всё же и нам указывают путь, в какую сторону нам идти.

Так вот, в какую же сторону указывают нам идти сии огненные слова преподобного Серафима?

Они указывают тот путь, о котором с особым всегда чувством свидетельствуем мы.

У каждого человека есть мысль, излюбленная им, есть идея, которая лежит в основе всей жизни, всех стремлений человека; таковая мысль у меня есть о монастыре в миру. Вот эту-то мысль в связи с этими словами преподобного Серафима и хочется мне ныне засвидетельствовать вам. Я утверждаю, я глубочайшим образом убеждён, что ныне путь церковный – это есть путь к созданию невидимых монастырей в мирской жизни.

Я утверждаю, что те исторические условия, которые сделали невозможными внешнее существование монастырей, – они ни в какой степени не разрушили, а ещё более усилили ту внутреннюю потребность, которая создавала монастыри. Эта внутренняя потребность есть стремление к решительному отделению от всего мирского. И раз нельзя

это разделение сделать внешним, раз нельзя построить каменную стену, которая бы отгородила нас от мира, то надлежит людям, желающим спастись в мирской жизни, желающим сохранить свою истинную церковность, не желающим обмирцаться, не желающим сливаться с бесовской мирской жизнью, – им надлежит построить новый, внутренний монастырь. Ибо монастырь отличается от мира не только особыми обетами – обеты почти все одинаковы у христиан, – он отличается именно этой ненавистью к миру, во зле лежащему.

Вот что создало монастырь – нежелание слиться с бесовскою мирскою жизнью, нежелание этого обмирщения, и то, что мы переживаем, именуя сие церковным возрождением, не иное что, как разгорающееся в нас чувство ненависти к лежащему во зле миру и желание уйти во внутренний, невидимый монастырь, отгородиться от него невидимыми стенами, наипаче молитвой Иисусовой.

Аминь.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Если вам надо пройти через незнакомую страну, пройти через дремучие леса, пустыни, горы и впереди вас идёт проводник, тем более вы будете верить ему, чем больше он даёт удостоверений в знании того пути, по которому он вас ведёт. И если путеводитель скажет вам, когда вы идёте лесом, что вот сейчас кончится лес и начнётся ровная и просторная дорога, и воистину кончится лес и раскроется простор, – разве в этом вы не увидите удостоверения, что этот путеводитель знает дорогу, по которой ведёт вас? И если, когда вы идёте пустыней, он скажет вам, что вот сейчас начнутся плодородные равнины или тенистые леса, разве вы в этом, когда это исполнится, не почерпнёте уверенности, что вы идёте верным путём и что тот, кто ведёт вас, знает, куда идёт.

Вот именно такое же чувство уверенности, что идёшь верным путём и что имеешь надёжного, знающего дорогу путеводителя, испытывает каждый верующий человек при чтении святоотеческих и подвижнических творений.

Какого бы века ни взять эти творения, как бы ни был различен облик подвижников, в этих творениях всегда так изучен, так указан, так раскрыт путь внутренней жизни, что не остаётся ни малейшего сомнения в благонадёжности проводника и является непоколебимая уверенность, что если идти за ними, то и придёшь в ту страну, в которую они зовут.

В этих творениях говорится: здесь будет лес, вот здесь начнётся жестокая, пустыня, вот здесь придётся подниматься на трудную гору, вот там будут опасные места, бездна и скалы.

И когда всё это сбывается, всё это видит проходящий путь, то он ужеверяет себя проводнику без колебаний.

Но если попробовать самому отправиться в эту трудную и дальнюю дорогу без проводника, какая уверенность, какая надежда, что вы идёте именно туда, куда должны идти, где возьмётся внутренняя уверенность, что идёте прямо, не сбились в сторону от намеченного пути?

Преподобный Серафим и учит нас прежде всего необходимости непременно проверять путь духовной жизни Словом Божиим и творениями тех подвижников, которые этим путём шли.

«Путь внимания проходящий, – говорит он, – не должен только одному сердцу своему верить, но должен сердечные свои действия и жизнь свою поверять с законом Божиим и с деятельною жизнью подвижников

благочестия, которые токовый подвиг проходили».

Надежда на собственное сердце может быть обманчивой, она может завести в страшные беды всевозможных внутренних искушений и заблуждений, духовная жизнь полна таких опасностей, которых нельзя избежать, основываясь в своём достижении только на этом своём собственном внутреннем чувстве.

«Ум внимательного человека, – говорит преподобный Серафим, – есть как бы постоянный страж или неусыпный охранитель внутреннего Иерусалима».

Ум внимательного человека, то есть в духовной жизни собранный внутрь себя, этот внимательный ум – он является стражем, поставленным, чтобы неусыпно хранить внутренний Иерусалим.

Здесь нам указывается, как необходимо для того, чтобы сохранить в своей внутренней жизни этот горний Иерусалим, иметь неусыпного стража.

Горний Иерусалим в нас – он едва блещет, он едва видится, он постоянно завлакивается смрадными туманами наших страстей, он постоянно завлакивается от нас мирской суетной жизнью.

Мы лишь в редкие минуты как бы некоего прозрения, в минуты особых возвышенных наших душевных состояний видим слабые очертания того Иерусалима, который где-то там, в глубине нас. И если не будет этого неусыпного стража, который постоянно охраняет нас от этих мирских и страстных туманов, то никогда не удастся нам сохранить его в своём сердце.

«Поучению святых отцов, – говорит преподобный Серафим, – при каждом человеке находятся два Ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдёт в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, что в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдёт в сердце твоё, то узнавай его по делам его».

Здесь указывается преподобным Серафимом на то душевное состояние, которое бывает у человека при двух противоположно действующих на него невидимых силах.

Разве здесь не говорится: вот тут будет лес, и разве не говорится: а вот тут будет пустыня? Разве человеческая душа не узнает здесь своего постоянного двойственного состояния, когда кто-то её склоняет к доброму, честному, открытому, праведному?

И как будто бы прислушивается сердце ко всем этим добрым речам, и в то же время за этим слышится голос лукавый, голос жестокий, склоняющий к гневу, склоняющий к неправде, к гордыне, к своеволию.

Эти два голоса как бы ведут тяжбу в нас, а поле для этой тяжбы – сердце человеческое и произволение человеческое склоняется или к тому, или к другому голосу.

Вот это душевное состояние, которое для нас представляется как бы раздвоенностью нашего духа, не что иное, как бореие в нас невидимых сил, которые действуют на наше сердце, ведя или склоняя нас ко спасению или к гибели.

«Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе. Особенно наблюдать должно, чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псалмопевцу: *Не возлагают уста моя дел человеческих*".

Здесь говорится о той опасности, которая угрожает человеку в деле его спасения, когда он слишком открывает своё сердце и внимание к впитыванию всевозможных мирских слухов, всевозможных мирских обстоятельств.

И особенно предостерегает преподобный Серафим пересуживать чужие дела, чужую жизнь, чужую душу – это то, что на языке повседневном называется «перемыванием косточек», это то самое, в чём проходит большая часть нашего взаимного друг с другом общения. Ибо достаточно сойтись двум или трём людям, чтобы они обязательно заговорили о четвёртом. И обязательно стали бы так и этак осуждать его жизнь.

Преподобный Серафим и предостерегает, как опытный проводник: осторожнее, здесь опасность, здесь можно увязнуть так, что дальше не пойдёшь никуда.

«Чтобы сохранить внимание, надо уединяться в себе. Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своём».

Здесь преподобный Серафим говорит о том, о чём так часто, так настойчиво говорим и будем говорить в наших беседах, ибо это основная идея, которая живёт во всех беседах наших.

Эта идея есть внутреннее ухождение от мира, создание монастыря в миру.

Человеческая жизнь ныне имеет перед собою, как и всякая эпоха,

свою собственную внутреннюю задачу.

Если было время, когда являлось основным для делания религиозного и духовного уходение от мира, дабы сохранить истинную церковность, если тогда люди заключались в келейные стены и монастыри и там, в этой обособленности, в этой разграниченности от мирской жизни, создали ту монастырскую жизнь, которая, как некий золотой пояс, прошла через всю мировую историю и сохранила нам в неприкосновенности и целостности величайший идеал христианства, если создание этих монастырей было необходимейшей задачей верующих и преданных Церкви людей прежнего времени, – то так же точно, когда внешние причины разрушили эти высокие монастырские стены, для сохранения этой драгоценности духовной, для высших стремлений духа надлежит созидать внутренние монастыри. В те времена, когда жил преподобный Серафим, уходение в себя было обставлено внешне иначе, чем сейчас.

Ведь это относилось к монахам, это относилось прежде всего к нему самому, жившему в Саровской пустыни, которая тогда была сплошным дремучим лесом. Но сама задача, самый смысл этого указания остаётся и для нас: для стяжания внутреннего мира надо решительно отгородить свою душу от посягательств злой мирской стихии. Но теперь, в наши дни, речь идёт не о Саровских дремучих лесах, не об уединённой монастырской обители – речь идёт о подвиге новом, о подвиге, который есть уходение в пустыню в шумнейших развращённейших городах, – это есть тоже монастырская задача и есть тоже церковный наш долг, который создаёт современная эпоха.

Но то, что говорит преподобный Серафим о духовной жизни в условиях пустынножительства, всё это относится и ко всем временам, и ко всем внешним условиям.

Для нас это значит: «Создавайте монастыри в миру».

Преподобный Серафим говорит: «Благодать Божия преосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а потом переходит в премирное».

Вот благодатное слово преподобного Серафима, которое должно всех укреплять на этом трудном пути делания духовного в условиях мирской жизни. Это слово преподобного Серафима должно вселять во всех, избирающих путь не мирской, а духовной и монастырской внутренней жизни, радостную веру, что мы идём за истинным путеводителем.

«Радуйся, путеводителю, всех к Небеси направляй!»

Аминь.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Каждый оставайся в том звании, в котором призван», – так говорит апостол Павел. Это значило: принявший христианство не должен сейчас же изменять и внешнюю форму жизни.

Указание апостола Павла действительно для всех времён и для всех обстоятельств. Как бы ни видоизменялись внешние формы мирского устройства, но взаимоотношения мира и Церкви останутся всегда одинаковыми.

Всегда будет вставать перед человеческой совестью вопрос: как надлежит устраивать внешнюю свою жизнь, решив послужить Богу. Всегда будут ответом на этот вопрос слова апостола Павла: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван».

Говоря о духовной жизни, мы всегда помним эти слова апостола Павла. И когда ведём беседы о жизни и поучениях преподобного Серафима, мы также всё время помним эти слова, и нас нисколько не смущает, что Церковь есть собрание людей столь разнообразных по своему житейскому положению.

Это своеобразие нисколько нас не смущает потому, что, как бы кто в своей внешней обстановке ни жил, он здесь вкушает, как и все, одной и той же духовной пищи, пьёт одну и ту же живую воду слова Божия.

Когда мы рассматривали жизнь преподобного Серафима, всё время было ясно, что мы, беседуя об этой жизни и переносясь духом в эту его пустынь, тем самым объединяемся в одну семью.

Находясь в храме в смысле нашего внутреннего отношения к миру, из которого мы все пришли сюда, чтобы слушать поучения преподобного Серафима, мы чувствуем себя как бы находящимися в Саровской пустыни.

И здесь, в этом замкнутом от мирской суеты мире духовном, мы твёрдо памятуем, что там – оставленные нами все эти разнообразные службы и обязанности и вся внешняя обстановка жизни нашей. Это одно есть «звание» наше, и пусть каждый останется в нём, но пусть каждый будет призван и к жизни духовной словами преподобного Серафима. В этих призывах к духовной жизни святых отцов и подвижников, может быть, самым трудным является их же настойчивое утверждение о необходимости скорбей для стяжания Царствия Божия.

Нам в глубине души всегда хочется рассматривать скорбь как нечто такое, чего не должно бы быть в нашей жизни, нам всё-таки хочется

избрать дорогу полегче, и как-то странным кажется не на словах, а в жизни соединить дело нашего спасения с этими нашими неприятностями, с этими житейскими затруднениями.

Легче в беседе, в отвлечённом размышлении установить эту связь, чем истинно переносить её в действительности.

Как-то странным кажется: какая может быть связь нашего спасения с сокращением по службе, нашего спасения и недоедания детей наших, нашего спасения и наших болезней и многого скорбного, что нам несёт жизнь наша.

И всё-таки это есть та истина, которая всеми святыми отцами и подвижниками всегда свидетельствуется и подтверждается, – истина, открытая нам и в Слове Божиим, ибо там говорится, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

Об этом же скорбном пути спасения говорит и преподобный Серафим.

«Мир душевный, – говорит он, – приобретается скорбями. Писание говорит: *Пройдохом сквозь огонь и воду, и извел еси ны в покой. Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многая скорби.* Как улаживать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?»

Вот это смущающее душу утверждение вновь стоит пред нами. Мир душевный.. А кто же может иметь сей мир, как не тот, кто стоит как бы при дверях Царствия Небесного? Ведь душевный мир не даётся внешними житейскими устройствами: можно прекрасно устроиться в смысле земного своего благополучия и испытывать такое внутреннее смятение, такой внутренний разлад, что ни о каком мире душевном не будет и речи. И напротив, в условиях крайнего неблагополучия можно иметь истинный душевный мир.

Душевный мир – это особое состояние, зависящее от внутренней нашей настроенности, и посему этот душевный мир и есть уже как бы вхождение в то Царство Небесное, в каковое войти можно, по словам преподобного Серафима, через многие скорби.

Эти многие скорби при условии, если человек будет переживать их не как какие-то случайные неприятности, зачем-то досадно встречающиеся на его пути, если он сам будет переживать их, связывая с делом спасения, – в них найдётся нечто, что можно положить в основу внутреннего душевного мира.

Найдётся это и в наших болезнях, найдётся и во всевозможных материальных испытаниях, найдётся и во всевозможных личных

неприятностях в отношениях с людьми – везде найдётся в них научающее нас смирению, терпению, прощению и, главное, научающее уповать всегда и во всём на волю Господа.

«Оскорбления от других, – говорит преподобный Серафим, – переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались».

Вот первая из подвижнических задач на скорбном пути жизни человеческой. Особенно в теперешнее время, при условиях нашей квартирной жизни, житейские мелочи, постоянная вражда разве не ставят перед человеком задачи освобождения души от постоянного возмущения наносимыми нам оскорблениями?

Ведь жизнь слагается не из геройских поступков, слагается не из великих подвигов, а в большей своей части из этих мелочей. И если в этих мелочах создаётся скорбь в постоянной вражде и раздражении, то и решение этого вопроса возрастает до значения истинного духовного подвига.

Если человек будет постоянно в состоянии духа, соответствующем правилу: «Оскорбления от других переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались», то подумать только, как изменится всё жизненное самочувствие наше!

«Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то по крайней мере надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: *смятохся и не глаголах*».

Здесь ответ на вопрос, часто предлагаемый духовникам: как быть, если не удаётся побороть внутреннее чувство раздражения и вражды, лучше ли всё-таки заставить себя не выразить этого вовне или это будет некое лицемерие, и не лучше ли прямо и открыто обнаружить то душевное состояние, которое у тебя есть?

«Если невозможно, – отвечает на этот вопрос преподобный Серафим, – чтобы не возмущаться, то есть если невозможно достигнуть того, чтобы оскорбления от других переносить равнодушно, то по крайней мере удержи язык твой, ибо, выраженное вовне, твоё внутреннее состояние вражды и раздражения всегда в ответ ещё большее вызовет усилие вражды в другом, а это, в свою очередь, усилит твоё раздражение – и так до тех пор, пока взаимное раздражение не дойдёт до крайнего предела вражды. Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других».

Здесь говорится о том, что каждый из нас прекрасно знает и в чём

постоянно приносит покаяние, здесь говорится о страсти, от которой никак не можем не только освободиться, но которую не хватает сил хоть сколько-нибудь ослабить: постоянно судить и рядить своих ближних, постоянно вслушиваться в худое то, что говорят о человеке, и с чрезвычайным легкомыслием быть передаточным пунктом всевозможной мерзости, которая говорится людьми друг о друге.

Здесь говорится о страшной человеческой язве нашего жития мирского – о постоянном суде друг над другом.

Преподобный Серафим предостерегает нас, ибо считает это необходимым условием сохранения душевного мира: постоянном друг о друге злословии нарушается внутренний мир человека.

Для того чтобы обезопасить хоть сколько-нибудь свою душу от этого возмущения, ты должен, во-первых, сам соблюдать свой язык, и если до тебя доходит скверное что-либо, рассказанное о твоём ближнем, пусть оно при тебе останется, а во-вторых, всячески устранийся пересудов, не вслушивайся, не расспрашивай для того, чтобы во всех подробностях и побольше понаслышаться человеческого злословия.

«Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей».

Уж какой великий подвижник, уж какой великий был постник преподобный Серафим и как свидетельствовал он об обязательстве поста, и в то же время при всей этой своей необыкновенной строгости к соблюдению подвига постного, эта чрезвычайная широта духа, которая присуща преподобному Серафиму, побуждает его указать, что плоть – друг наш, что она должна идти рука об руку с духовной жизнью, что она должна брать на себя в меру подвиг, дабы не явился ущерб через неё и духовной жизни.

Могут в глубине души ленивые к подвигу постному и обрадоваться, найти в этих словах лёгкое оправдание своей лености, своему нерадению о посте, но здесь идёт речь не о тех послаблениях, которые позволяем мы себе.

Если бы мы стали соблюдать только дозволенные послабления, то они показались бы совершенно неисполнимым подвигом. Нам совершенно не угрожает чрезмерное изнурение плоти.

Ведь когда уставы постные говорят о болящих и о том, что они могут послаблять пост, имеется в виду совсем не то, что имеем в виду мы. Вот, например, в первой неделе Великого поста читаем, что для болящих разрешается послабление. Какое же? А в понедельник и вторник первой недели можно есть хлеб с водою...

«Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем святитель Василий Великий свидетельствует: многие много собрали в юности, и посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения; всего того лишились. А потому, чтобы не испытать такового превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательного за собою наблюдения».

Вот слова, которые должны особенно запечатлеваться в сердцах людей молодых. Это им здесь предостережение, это им здесь богоносным отцом раскрывается всевозможная будущая судьба их.

Здесь говорится о том, что молодые сердца, если их коснётся призыв слова Божия, призыв к духовной жизни, – иногда берутся горячо за устроение своей души. Но в эти годы столько всевозможных искушений! И начав эту многотрудную духовную жизнь, они не могут по своей немощи довести начатого дела до конца и вступают вновь на тот путь, который кажется им более лёгким и к которому так тянут их все искушения мирские.

«Для того чтобы этого не случилось, – говорит преподобный Серафим, -знай, что эта опасность непременно будет угрожать тебе, и для того чтобы не погибнуть, ты должен внимательно наблюдать всю жизнь за собой, чтобы не сделать сначала незаметного, а потом и заметного и совершенно непоправимого шага в сторону от пути спасения».

К нам на исповедь приходят люди, часто совершенно разбитые жизнью, совершенно опустошённые не только скорбями мирскими, но и всевозможными тяжкими прегрешениями. И, как тяжкие больные, уже сознающие грозящую им от этих тяжких болезней гибель, просят от нас исцеления.

И мы, сами тоже немощные, чувствуем как бы некую беспомощность перед этой страшной внутренней опасностью и понимаем, что нельзя преподать ничего сразу восстанавливающего внутренние силы человека.

Ведь всю жизнь свою потратив на то, чтобы душу свою привести в это тяжкое состояние болезни, можно ли вдруг сразу получить исцеление?

Требование дерзновенное. Этим людям приходится указывать, сколько они потратили сил на гибель души своей, и тогда им делается понятно, сколько надо потратить трудов на её восстановление.

Часто со слезами говорят люди о том, как бы было хорошо, если бы эта-то мысль о спасении, если бы эта надежда Царствия Божия, если бы

эти разочарования во всевозможных соблазнах мирских были бы у них раньше.

«Как всякой болезни есть врачевание, – говорит преподобный Серафим, – так и всякому греху есть покаяние».

Для того, кто всё-таки сбился когда-то в эти годы молодости своей с праведного пути жизни и вновь погряз в безбожии и в мирской жизни, в Церкви всегда есть возможность начать жить сначала. Эта возможность заключается в таинстве покаяния.

На этом я хотел окончить сегодняшнюю беседу, но мне подали записку, в которой автор, именуя себя «не верующим ни во что, но любящим красноречие», пишет следующее:

«Вы производите впечатление средневекового монаха. Если бы вы жили в XV веке, навверное, жгли бы еретиков на костре и поднимали бы ведьм на дыбы. Ваша проповедь в XX веке производит такое же странное впечатление, как если бы кто-нибудь, вместо того чтобы ехать на трамвае, сел бы на деревянную колесницу и уверял бы, что это – единственный способ передвижения».

Да, я думаю, странное впечатление должно быть вынесено безбожником, пришедшим в храм, столь же странное, сколько производит и на нас, вышедших из храма, сумасшедшая улица, по которой неизвестно зачем и куда бегут люди.

И если уж угодно брать это сравнение, я его принимаю. Я принимаю деревянную колесницу, пусть она – колесница деревянная, но она поднимает нас к небесам, а ваш сумасшедший трамвай несёт вас к гибели.

Аминь.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

«По причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь»
(Мф. 24,12).

Беззаконие неминуемо там, где безбожие, где жизнь мирская вне Церкви.

Источник любви содержится не в отдельном каком-либо человеке, а там, где неиссякаемый источник жизни. Он содержится в Господе.

Как только мы теряем связь с Господом, теряем веру, теряем возможность черпать из этого источника благодатную силу, так иссякает в нас любовь, так мы впадаем в беззаконие.

Но для того, чтобы черпать из этого источника, открытого нам через Церковь Христову, надлежит постоянно пребывать в теснейшем общении со Христом, каковое и предлагается нам Святою Церковью в таинстве Евхаристии.

Вот почему, когда так обильна, так полна была благодатная любовь в людях веры, они постоянно вкушали святое таинство Евхаристии.

Это постоянное и теснейшее общение делало сердце человеческое горящим пламенной любовью ко Господу и к ближним. И по мере победы мирской стихии – обмирщения Церкви, по мере того, как всё больше и больше развивалось беззаконие, всё меньше и меньше прибегали люди к этому истинному источнику любви и жизни. И в конце концов дошло до того ужасающего положения, когда принудительно, по указам высшей церковной власти – тогда Святейшего синода – повелевалось непременно причащаться раз в год, иначе это влекло за собой разные гражданские ограничения.

Так загоняли внешними принудительными мерами верующих православных христиан к Святой Чаше.

Положение, которое было бы совершенно невозможно, представлялось бы каким-то чудовищным бредом для первых христиан, постоянно вкушавших Святую Кровь и Тело Господне и не могущих представить себе жизни без этого постоянного причащения, подобно тому, как для нашего физического бытия нельзя себе представить, как можно постоянно не дышать и ежедневно не питаться.

И если бы сказали, что можно глотнуть, и то по принуждению, однажды в год воздуха, чтобы существовать здесь, на земле, физически, это была бы совершенно такая же нелепость, как сказать: можно

существовать духовно, причащаясь по принуждению, по таким указам однажды в год.

Преподобный Серафим поучал, чтобы люди, стремившиеся к духовной жизни, непременно пребывали в постоянном причащении. Незадолго до своей смерти призвав протоиерея Садовского и устно передавая ему завещание (вместе с церковницей Ксенией Васильевной и Мотовиловым), он сказал:

«Причащаться Святых Христовых Животворящих Тайн заповедую им, сёстрам дивеевским, во все четыре поста, двенадцатые праздники, и чем чаще, тем лучше. Ты, духовный отец, не возбраняй, сказываю тебе, потому что благодать, даруемая нам в причащении, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь в смиренном покаянном сознании всей греховности своей приступит к Господу, искупающему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытый язвами грехов, и будет очищаться Божественной благодатью Христовой, всё больше и больше светлеть – и спасётся».

Это завещание, данное дивеевским сестрам, повторяется в поучениях его.

«Благоговейно причащающийся Святых Тайн, и не однажды в год, будет спасён и на сей земле благополучен».

Эти слова мы приводим с особой радостью. Жизнь наша засвидетельствовала о насущнейшей необходимости для духовного нашего устройства постоянного причащения Святых Тайн.

Это стремление к постоянному причащению возникло не от проповедей, не от ссылок на правило Церкви, не от ссылок на святых отцов – оно возникло из душ человеческих.

Люди сами стали к этому стремиться, чувствуя, что иначе погибнут. Погибнут без благодатной помощи в условиях современной мирской жизни. Жажда внутреннего устройства привела множество верующих к постоянному вкушению Святых Тайн.

«Кто в мирном устройении, – говорит преподобный Серафим, – неуклонно ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары».

Духовные дары – это есть та самая возделенная область, к которой стремятся все человеческие души, не желающие жить только плотской жизнью.

Человек плотский и мирской желает черпать самой большой ложкой всё то, что может дать ему привлекательная мирская жизнь, дабы насладиться всем тем, что может дать услаждающего эта земная жизнь. Человек, который живёт для того, чтобы пить, есть, спать, устраиваться и

потом, думая, что без всякого за это ответа он умрёт, сгниёт и этим всё кончится, – такой человек и черпает, и черпает из этого смрадного источника мирских наслаждений всё то, что может дать ему услаждение животной природы, – вот, подобно этому, в области жизни духа есть свои радости, благодатное наслаждение, но для того, чтобы сделаться способными вкушать их, надлежит свою душу привести в особый порядок, в особый строй, в каковой и приводится душа благодатною силою Церкви и работой человека над стяжанием мирного духа.

«Что есть лучшего в сердце, – говорит преподобный Серафим, – того мы без надобности не должны обнаруживать, ибо тогда только собранное остаётся в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца своего».

Здесь преподобный Серафим говорит о том, о чём так часто и мы на основании святых отцов говорим здесь на всех беседах наших, – разумею внутреннее пустынножительство, разумею внутренний монастырь, внутреннюю уединённость, замкнутость духовного бытия нашего, как бы отгораживаемого от всего того, что может внести рассеянность, и смуту, и осквернение. Но это вовсе не значит, что нужно скрывать своё христианское звание.

Здесь говорится: что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать. Здесь говорится о наших духовных состояниях, о нашей внутренней, интимной религиозной, духовной жизни.

Но когда человек должен исповедовать себя христианином или просто когда сама жизнь ставит его в такие условия, что он не может погрешить против Христа, скрывая своё христианство и свою веру, тогда речь идёт уже не об этом скрывании в сердце своём лучшего, что есть в нас, а речь идёт о малодушии, о нашем неверии, о нашей нетвёрдости на том пути, по которому мы идём.

Ты скрывай, скрывай поглубже свою внутреннюю духовную жизнь от мирских глаз, но ты не скрывай своего креста, который висит на груди твоей, – это совсем другое.

«Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека. Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришёл во времь на землю сердца: ибо ничто же тако устужает огонь, от Святаго Духа вдыхаемый в сердце инока ко освящению души, якоже соображение и многословие и собеседование.. А потому для сохранения внутреннего человека надобно стараться удерживать язык от

многословия».

Болтовня, пустословие, зубоскалие – вот всё то, чем наполняется жизнь мирских людей, всё это – как некая вода, заливающая огонь, горящий в сердце человеческом.

Если ты хочешь, чтобы этот огонь горел в сердце твоём, не допускай себя до этого греха – пустословия. Там, где нет огня, горящего в сердце, там, где нет жизни в Боге, там открывается широкая потребность и даже необходимость в болтовне.

Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, как проводится время людьми мирскими, как они чувствуют себя неловко, если молчат, как у них является непреодолимая жажда обязательно заполнить своё время этим пустословием. Люди в миру или занимаются так называемыми делами, или болтовнёй.

Как только они соберутся, освободившись от своих дел, они непременно должны заполнить свою пустоту болтовней.

«Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует ещё другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа; но самым тем действием убеждается, что оно небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: любви, радость, мир и проч.»

Если вы откроете Евангелие и прочтёте то, как учил Господь, и если вы откроете самую мудрую книгу, написанную человеком, то вы сразу увидите разницу, не в качестве только, но в существе самого учения.

Иисус Христос не доказывает истин. Он о них свидетельствует, ибо каждое евангельское слово есть истина. И посему Спаситель на вопрос Пилата: «Что есть истина?» – не ответил ему, ибо перед ним стояла Сама истина, свидетельствующая о Себе, а он своим развёрнутым мирским разумом искал истины от разума, которую бы доказали всевозможными хитрыми доказательствами.

«Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более».

В каждом событии жизни человек веры, живущий для вечности, понимающий, что цель его земного бытия заключается во внутреннем устройении бессмертной души, человек веры в каждом событии жизни видит для себя нечто, что должно дать положительное для души

Каждое событие: и приятное, и неприятное, и скорбное, и радостное – освещается этим внутренним смыслом, ибо оно всегда связывается для человека веры с этой единственной задачей его земного существования – устроить свою душу достойно, дабы она стяжала своё спасение.

Вот и болезни человеческие – они по-мирскому печаль, они по-

мирскому какое-то бессмысленное и злое несчастье, от которого нужно как-нибудь поскорее отделаться, чтобы вновь начать жить так же, как и до болезни.

Совершенно иное для человека веры. Когда человек веры испытывает телесную немощь, он хочет продлить свою жизнь вовсе не для того, чтобы после болезни совершенно так же жить, как жил и до болезни, а для того, чтобы, вразумившись болезнью, дальнейшую жизнь прожить для устроения души.

«А для того, чтобы так переносить болезнь, нужно переносить её с терпением, принять её, как путь, и тогда, – говорит преподобный Серафим, – болезнь вменяется Господом вместо подвига и даже более».

«Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оно потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия. А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно».

Вот слова всегда своевременные для людей, вступающих хоть сколько-нибудь на путь внутренней духовной жизни. Они указывают им, что всегда было то же: когда человек начинал жить по-иному, чем живёт мир, сейчас же всё вокруг него стремилось положить этому пути предел. Ибо врагу спасения человека не может не быть в высшей степени неприятно, что человеческая душа, которая шла тем самым путём гибели, которым идёт большинство, вдруг стала сворачивать совсем на другую дорогу спасения, по которой идут немногие.

Враг спасения нашего начинает чинить нам всевозможные препятствия. Человек и сам не знает, откуда вдруг у него появляется то, чего раньше никогда не было в его разуме и сердце и душе; вдруг появляются и внешние препятствия, которых он совершенно не мог ждать, и, главное, является чувство уныния, которое самое страшное в деле нашего спасения. Является мысль, что из этого ничего не выйдет, что люди все живут иначе и неужели, дескать, я, вставший на этот путь, один только прав?

И многое, многое другое, такое злое, лукавое и отравляющее, сумеет сказать враг человеческой душе.

«Мой сын, – говорит один человек на исповеди, – верующий, а в церковь не ходит». – «Почему же?» – спрашиваю. – «Да на людей глядя».

Вот эти ужасные слова, обмирщающие человека и заставляющие его,

как все, глядя на людей, идти к гибели. И всё это делал, делает и будет делать враг спасения нашего.

Но преподобный Серафим и богоносные отцы наши освещают нам путь светом своей благодати.

Мы видим, где наш враг, и не хотим его слушать.

Аминь.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В Слове Божиим говорится: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской». И далее: «Горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 6–7).

Тем более тяжело сознавать, что соблазн иногда приходит через тех, кому надлежит особенно блюсти, чтобы соблазн не пришёл в мир, – я разумею пастырство.

К великому несчастью, защищать пост приходится не только от безбожников, не только от поверхностного понимания мирян, но также и от служителей Церкви – пастырей.

За это время мне уже несколько раз пришлось выслушать на исповеди о том великом смущении, которое испытывают верующие, видя, как на некоторых торжествах после престольных праздников пастыри нарушали Рождественский пост. Мне пришлось слышать ещё более тяжкое, как некий пастырь публично сказал: «Посты, собственно, ерунда».

Дело не наше – судить грехи отдельных людей, каждый из нас за свои грехи будет ответствовать перед Господом, личные грехи – это дело совести человека и дело духовника, но «горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

И когда то или иное соблазняющее деяние становится не личным уже грехом, а общецерковным явлением, тогда не только можно, но и должно так или иначе защищать от него соблазняющихся.

И вопрос о посте тем более подлежит защите, что он, во-первых, является действительно необходимейшим делом нашего оцерковления и, во-вторых, потому, что пост решительно уходит из нашей жизни.

Здесь слишком легко соблазнить и слишком легко соблазниться, и посему с особой настойчивостью и горячностью надлежит всем сознающим эту опасность везде и всегда свидетельствовать об обязательности для верующих нести пост.

Как может спрашивать мирян пастырь, соблюдают ли они посты, если он сам его не будет соблюдать, и кто ответствен тогда за это небрежительное отношение к посту?

Как должен чувствовать себя мирянин, который уже уяснил себе необходимость поста, когда перед ним в Рождественский пост пастырь будет есть мясо?

Этот соблазн за собою имеет не личный грех слабости, ибо совсем не так трудно соблюдение поста, а он имеет за собою чрезвычайно глубокие корни – он имеет за собою тот дух, который в существе своём порождает обновленчество.

Обновленчество, как ересь, как антицерковная идея, заключается в принципиальном стремлении к обмирщению Церкви.

Вот потому-то и надлежит со всей твёрдостью везде противостоять этому обновленческому духу.

О посте преподобный Серафим говорит так: «Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте».

Так рассуждает преподобный Серафим.

Пусть бы прочитал слова сии тот, кто дерзнул сказать: «Пост – ерунда!»

Слова преподобного Серафима выражают истинный церковный взгляд на пост.

А миряне так охотно соблазняются рассуждениями о том, что пост – нечто отжившее, и внешнее, и ненужное.

Решают: а я буду есть молоко, а я – мясо, а я – масло; и каждый ест то, что ему вздумается.

Но спрашивается: когда создавался церковный порядок поста – что же, сидел человек в кабинете и выдумывал, но каким дням что можно есть?

Какое неразумие! Ведь пост создавался в подвижнической жизни, за каждым правилом стоит вековой опыт духовных наших отцов и руководителей и угодников Божиих.

Здесь не каприз, не прихоть, не кабинетная выдумка – здесь опыт, молитва, созерцание, подвиг.

«В той мере, как плоть постящегося, – говорит преподобный Серафим, – становится тонкою и лёгкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями».

Здесь опять искушающая мирская мысль: пост имеет смысл, когда это подвиг, подобный подвигу преподобного Серафима, питавшегося годы сниткою, когда тело становится тонким и лёгким, когда человек восходит через пост к Богосозерцанию. А мы, дескать, мы-то – не всё ли равно, что нам поесть, какие мы подвижники?

Если мы не можем любить ближнего своего, как самих себя, – значит ли это, что мы должны хватать его за горло, и если мы не можем отказать ближнему последнюю рубашку, – значит ли это, что мы должны грабить, и если перед нами, перед нашими очами, стоит идеал христианской жизни, до которого нам не подняться, – значит ли это, что мы должны жить, как безбожники?

Каждый путь имеет свои высочайшие достижения и своё начало, и если на этих высочайших достижениях у нас со всею полнотою открывается то, к чему ведёт этот путь, – то это должно нас утверждать лишь в том, что нужно на него становиться.

И посему слова преподобного Серафима, раскрывающие то духовное состояние, к которому приходит человек, идущий подвигом постным, должны не отвращать нас, а призывать на этот путь.

В этом нас утверждают ещё и следующие слова преподобного Серафима: «К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею».

«От бдительного хранения сердца, – говорит преподобный Серафим, – рождается в нём чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной истины: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*».

«Бдительное хранение сердца» – к нему относится и пост, к нему относится и соблюдение заповедей наших, к нему относится и молитва наша, к нему относятся и все правила церковные, к нему относится хождение наше в церковь, весь наш церковный уклад и вся наша церковная обрядность.

Храните сердце ваше от мира!

«Для того чтобы сохранить его от мира, надлежит самому войти всем существом своим в церковность, и тогда для сохранившего чистоту сердца, – говорит преподобный Серафим, – открывается Боговедение».

Здесь ответ, который даётся легкомысленным требованиям безбожников: «Покажите нам Бога».

Для того чтобы видеть Бога – раз и навсегда нужно усвоить это – для того чтобы видеть Бога, нужно сделать зрячим сердце своё: очистить его от загрязнения. А так как очистить сердце своё можно, только соблюдая его от мирской жизни, то есть через Церковь, то и Бога могут видеть только те, кто живёт Церковью.

В миру, вне Церкви, нельзя видеть Господа.

Живущие без Церкви не могут требовать, чтобы им Его показали, так же как нельзя было требовать от Спасителя, чтобы Он дал знамение сему

развращённому роду.

«В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и Единому Господу открывай тогда своё сердце». И далее: «Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия».

Здесь преподобный Серафим говорит о том, что так трудно каждому из нас: о прощении оскорблений.

И особенно трудно для нас прощать не оскорбление, а клевету. Если человек тебя в лицо оскорбит, это простить гораздо легче.

«Но памятуй, – говорит преподобный Серафим, – что и это нужно простить непременно, ибо без этого твоя собственная духовная жизнь не может строиться, ибо каждая непрощённая обида, как клин, вбивается в душу и раскалывает её, лишая именно той целостности и собранности, которая и есть возделанная цель нашей духовной жизни».

«Отчего мы осуждаем братьев своих? – спрашивает преподобный Серафим. – Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других».

Вот путь не отвлечённый, а действительный и жизненный – совет, который может каждый приложить и применить к себе.

Как только заметишь в брате, в ближнем своём какую-нибудь слабость, какой-нибудь грех, – сейчас же посмотри на себя, найди подобное и в себе, и осудив себя, найдёшь в себе силы не осудить ближнего своего.

«Если осуждаешь ближнего, – говорит преподобный Серафим словами Антиоха, – то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чём его осуждаешь».

Здесь даётся указание, что всякий осуждающий должен помнить, что он вдвойне согрешит – он согрешит грехом, за который осудил ближнего: если ты человека назовёшь вором, то сделаешь грех, осудив его, и в то же время сам примешь на себя тот грех, за который ты его осуждаешь.

Но здесь всё-таки надо разобраться, ибо всегда в этих рассуждениях о том, чтобы не осуждать, чувствуется какая-то неясность, ибо в то же время столько даётся указаний о том, чтобы ненавидеть грех, о том, чтобы избегать бесполезного, о том, чтобы отвращаться вредных сообществ. Есть, очевидно, какая-то тонкая разница между тем, что именуется в слове Божиим и в творениях отцов святых осуждением, и вот тем, что не только позволительно, но вменяется в должное верующим людям.

Ответ на этот вопрос в следующих словах преподобного Серафима:

«Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай».

Это очень трудно, это так неуловимо, так трудно различить, так легко соскользнуть от осуждения греха к осуждению человека, и в то же время это различие непременно нужно установить для себя, чтобы твёрдо знать, где проходит эта грань – недозволенного суда и обязательного рассуждения. Для того чтобы облегчить себе это понимание недозволенного суда и дозволенного рассуждения, нужно всегда заглядывать в свою собственную душу.

Ведь когда мы каемся на исповеди и со слезами признаёмся в каком-нибудь омерзительном нашем поступке, мы так и называем его грехом, мерзостью, и в то же время разве наше отношение к себе подобно тому, которое мы имеем к ближнему, которого мы будем обличать в подобном же поступке?

Если мы совершили мерзость, то мы сразу умеем отделить себя от этой мерзости, в которой мы каемся, и, осуждая себя за этот грех, мы в то же время чувствуем, что к себе-то мы относимся иначе, чем к этому греху.

Так же и в отношении ближнего можно и должно обращаться и называть злое злом, если оно совершается в ближнем нашем, ибо, не назвав злое злом, нельзя и избежать его.

Как я буду избегать бесполезного, прежде чем я не отвечу: что я считаю бесполезным для себя в окружающих людях? Почему я буду стремиться к обществу добрых людей, помогающих мне в моём внутреннем устройении, и отвращаться от злых, соблазняющих меня на грех, если грех не назову грехом?

Но это совсем не то, что я совершаю суд над их душою – это будет делать Господь, как говорит преподобный Серафим словами Антиоха: «Судить или осуждать не нам надлежит, но Единому Богу и Великому Судии, ведущему сердца наши и сокровенные страсти естества».

Вот исчерпывающий ответ, почему мы неправомочны судить ближних наших: потому что мы не можем знать души человеческой, мы не можем знать всех внутренних обстоятельств, всех внутренних движений, всего внутреннего строя, который стоит за тем или иным поступком человека.

Уж если мы не можем разобраться в своей душе, в разнообразии мотивов, побуждений, настроений и ощущений, скрывающихся в нашем собственном сердце, то как же мы со стороны можем разобраться в душе ближнего?

«Кто любит мир, тому невозможно не печалиться, а презревший мир всегда весел».

В творениях преподобного Серафима, прошедшего путь затвора, молчаливости, пустынножительства, каждое поучение внутренне связывается с основной задачей – уходом от мира.

Здесь преподобный Серафим раскрывает нам ещё одну сторону этого ухода. Он говорит, что если жить в миру, невозможно не печалиться, и это потому так, что жизнь мирская вся полна неожиданностей и смятения, всё время одно меняет другое неожиданно: то человек лишается места, то у него неприятность в квартире, то у него умер близкий человек – вся жизнь мирская исполнена печали.

Нельзя представить себе такого жития мирского, которое бы могло человека избавить от всех этих огорчений, ибо если одно будет у него ладиться – в другом будет неприятность, в другом у него будет причина для этой печали и скорби.

«И напротив, – говорит преподобный Серафим, – если человек от всего уйдёт, останется со своим внутренним миром, тогда только он может испытывать радость».

В ответ на слова эти слышится мирской вопрос: «Да куда же уйдёшь от всех этих мирских забот, куда уйдёшь?»

Уйдёшь в свой невидимый духовный монастырь.

Аминь.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Веровать в бессмертие и не веровать – это вовсе не значит по-разному решать только вопрос о бессмертии.

Это значит по-разному относиться к людям и к жизни, по-разному чувствовать, по-разному оценивать доброе и злое, по-разному страдать и радоваться – словом, это значит быть двумя совершенно разными людьми, людьми двух совершенно разных пород. Вера в бессмертие и неверие в него отражаются на каждом движении человека, на каждом шаге его, на каждом поступке – от самых серьёзных моментов нашей жизни до повседневных мелочей.

Между верующим и неверующим человеком лежит целая пропасть, они никогда не могут вступить в подлинное общение между собою.

У них разный язык, и они никогда не поймут друг друга. Если один человек верит, что земная жизнь есть краткий миг, которым готовится человек для вечного своего бытия, а другой убеждён, что, прожив 10, 20, 30 лет, человек умрёт, истлеет – и это всё, не ясно ли, что каждое переживание, каждое слово, все оценки и понятия у этих двух людей будут разные.

Мы читаем у преподобного Серафима следующие слова: «Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому недостойны, по апостолу, страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас».

Какая великая истина для человека веры! Какая нелепость для неверующего человека!

Если земная, мимолетная жизнь с её временной скорбью есть лишь узкий путь Царства Славы, то разве не истина, что временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас.

Но какая дикая нелепость слова эти для того, кто уверен, что жизнь дана человеку на несколько лет. Для него здешние скорби – это всё, ибо они отнимают от него земные наслаждения.

Время стремительно несёт человека к могиле, и каждый миг, отравленный скорбью, не вознаградим ничем.

«Как чадолюбивый отец, когда видит, что его сын живёт беспорядочно, наказывает его; а когда видит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает; так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя всё для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию».

Как близки, как понятны эти слова для верующей души. Как чувствует каждый человек на своей собственной жизни эту заботу чадолюбивого Отца о нашем спасении. Сколько раз каждого из нас наказывал и утешал Господь!

Какая нелепость, какое безумие всё это для неверующего человека! Какой Отец? Какое наказание? Какое утешение? Есть удача и неудача, есть ловко устроенное благополучие и то, что называется «не повезло».

«Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце прикладывается как бы камень».

Кто из нас не переживал этого страшного камня нелюбви к человеку. Как светло, и легко, и радостно на душе, когда нет ни к кому вражды!

Как часто страдает больше тот, кто потерял любовь к человеку, чем тот, кого перестали любить.

Какой вздор, какая глупость – страдать от того, что нанёс кому-то оскорбление! Вот когда тебя оскорбляют – тогда действительно неприятно. Но поспеши отомстить за это оскорбление вдвое – и великолепно сделается на душе.

«Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирин: «Прости ризу твою на согрешающем и покрой его'''».

Это требование всё покрывающей любви, это желание не осудить человека, сострадание к нему за его немощи, боязнь соблазна для других.

Какая пустая сентиментальность! Гораздо интереснее посмеяться над позором брата своего, толкнуть его, если он падает, сошвырнуть с дороги, если он мешает.

«Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их бот погружается в глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал».

Разве всё сказанное здесь не бред сумасшедшего для неверующего человека? О каком грехе, о каком отчаянии от сознания этого греха говорится здесь? Грех? Что это за странное, отжившее слово? Если жизнь дана на несколько десятков лет, если нет Бога и бессмертия, если ничего нет, кроме вещества и физических законов, тогда всё позволено, всё можно и всё хорошо, что увеличивает моё земное благо. И если я ещё говорю иногда «добро» и «зло», то делаю это по старой памяти, употребляя слова, которые уже не имеют для меня никакого смысла. Никакого раскаяния не может быть, никакого стыда за содеянный грех, если и вообще самого греха не существует. Существует лишь «хочу» и «не хочу», «приятно» и

«неприятно», «удалось» и «не удалось». И что значат слова «надмение», «гордость», когда человек – царь природы, и чем сильнее он, чем подымается выше над другими, тем он счастливее, ибо это доказывает, что у него крепче воля и больше удачи!

«Если во время искушения несколько от нас отходят Ангелы Божии, то недалеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, улаждением, терпением».

О, воображаю, что думает безбожник, слушая эти слова, если только он присутствует среди нас. А уж, конечно, присутствует. Он думает: «Обманщик поп!»

Каким диким и странным должно казаться ему всё, что происходит здесь! В XX веке не сумасшедший и как будто образованный человек стоит на амвоне, говорит об Ангелах и Боге – и слушают его совершенно свободно не безумные, взрослые люди...

А для нас, верующих, разве не ясно, какое безумие не видеть Господа и Ангелов Его? И разве для нас с вами и в XX веке, так же как и в первом, безбожный мир не кажется безумным и погибающим миром, и разве вот этот не знаемый нами безбожник, стоящий среди нас, не кажется нам несчастным и жалким? И разве не хочется нам плакать над каждым, кто потерял способность видеть и Ангелов и Бога?!

Аминь.

Содержание

Свенцицкий Валентин Павлович Преподобный	1
Серафим протоиерей Валентин Свенцицкий	2
БЕСЕДА ПЕРВАЯ	5
БЕСЕДА ВТОРАЯ	10
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ	16
БЕСЕДА ЧЕТВЁРТАЯ	22
БЕСЕДА ПЯТАЯ	28
БЕСЕДА ШЕСТАЯ	34
БЕСЕДА СЕДЬМАЯ	40
БЕСЕДА ВОСЬМАЯ	46
БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ	53
БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ	59
БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ	65
БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ	69
БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ	75
БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	79
БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ	85
БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ	91
БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ	97